

4.2010

семья и школа

Церкви, дворцы,
избы, дацаны

страница

30

Газ или Тормоз?

страница

8

Метаморфозы
Пикассо

страница

20

Звучащие сказки

страница

34

журнал для родителей

Фото Ильи Ципина

ЖА

СЕМЬЯ И ШКОЛА

Журнал
для родителей

Основан
в 1871 году
Возобновлён
в 1946 году

ЗАО Редакция журнала
«Семья и школа»

Генеральный директор
В. Ф. Смирнов

Главный редактор
П. И. Гелазония

Редакция журнала:

Т. Я. Кедрина
(досуг и быт),

Л. А. Комарова
(художественный
редактор),

Н. С. Мавлевич
(школа и общество),

Л. Ф. Осипова
(культура),

В. А. Рыбаков
(развитие
и воспитание ребенка)

Дизайн-проект журнала:
В. Е. Валериус

Предпечатная подготовка:
И. В. Аршанский,
О. В. Шорохова

Книжная редакция:
С. И. Сивоконь

Редактор интернет-сайта:
О. Л. Журавлева

Распространение:
Н. П. Солошеч

Обеспечение выпуска:
А. М. Бакланова,
Е. В. Угрюмова

Учредитель и издатель:
ЗАО Редакция журнала «Семья и школа»
Свидетельство о регистрации № 017036
Госкомитета РФ по печати

Адрес редакции:
129626 Москва,
улица Павла Корчагина, 7, строение 1
Телефон/факс: (495) 683-8614
e-mail: mag7a@narod.ru

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»
142300, Чехов Московской области
e-mail: marketing@chpk.ru
Сайт: www.chpk.ru
Телефон: 8 (495) 988-63-87
Факс: 8 (496) 726-54-10

№ 4 (апрель) 2010
Подписано в печать 2 апреля 2010 года.
Формат 60 × 90/8. Печать офсетная.
5 печ. л. Тираж 6200 экз. Заказ

В розничной продаже цена свободная

© ЗАО Редакция журнала «Семья и школа», 2010

Подписные индексы:
по Объединенному
каталогу «Пресса
России» — 70909;
по каталогу
«Роспечати» — 70906;
по каталогу
«Почта России» —
99351.
Подписка
через Интернет:
presscafe.ru

С анонсами
свежих номеров
нашего журнала
вы можете
познакомиться
на страницах сайта
mag7a.narod.ru

В номере:

Советы и рекомендации

Юлия Корчагина
Трудные взрослые
7

Только в пути и только держа глаза
открытыми, можно узнать что-то
еще о себе и о мире

Владимир Леви
Газ или Тормоз?
8

Как научить детей разумной осто-
рожности? Не стоит раздвигать
ребенка по мелочам, из каждого не-
ловкого движения устраивать драму...

Франсуаза Дольто:
суть и предрассудки
10

Дольто всегда была за воспитание,
основанное на родительском авто-
ритете, но не авторитарное! Выслу-
шать ребенка, понять и учесть его
желание — да. Но это не значит, что
надо потакать ему всегда и во всем

Повод к размышлению

Борис Бим-Бад
**Что будущее
делает хорошего для нас?**
2

Важно учить ребенка открытости
к будущему, открытости
к неожиданному и непредвидимому

В детском доме и в жизни
11

Говард, молодой англичанин,
уже не первый раз приезжает
в Россию работать волонтером
в одном из провинциальных
детских домов для детей с психо-
неврологическими заболеваниями

Людмила Самойлова
Голоса из мёртвой деревни
23

Давно это было или недавно?
Пятнадцать лет назад людей в нашей
деревне было столько, что я многих
не знала ни по имени, ни в лицо...

На обложке: фото У. Блумфилда
(Читайте страницы 30–33)

Чтение

Маша Чудакова
**Гюстав Флобер,
или Человек-перо**
14

Над начинающим писателем нависают
глыбы великие предшественники.
Как не стать подражателем?

Жан-Пьер Вернан:
«Я понял, что такое страх»
16

Читателям и зрителям «Подстроч-
ника» хорошо знаком Жан-Пьер
Вернан, друг детства героини-
рассказчицы Лилианны Лунгиной

Лия Осипова
Метаморфозы Пикассо
20

Выставка Пикассо в Москве позволяет
год за годом проследить эволюцию
творчества художника с его ранних
опытов до творений последних лет

Нина Горланова, Вячеслав Букур
Кощеев бальзам
Рассказ

26
Наталья Мавлевич
Дворцы и избы, церкви и дацаны
30

Россия глазами Уильяма Брумфилда

Домашние занятия

Звучащие сказки
34

Эти сказки специально приспособ-
лены для решения важных задач,
связанных с развитием речи ребенка

Кухня
36

Летняя еда: закуски, салаты, супы

Развлечения
37

И все гоняются друг за другом!

Ряд районных и сельских библиотек в нескольких регионах
России получают журнал благодаря финансовой поддержке
Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

Вопрос остряка.

«Один остряк спросил, почему-де он должен заботиться о своих потомках, которые ему лично не сделали ничего хорошего.

Будущее человечество сделало для нас очень много, открыв необозримые горизонты, вырвав из круга наших будничных стремлений. Оно — залог и материальный субстрат нашего бессмертия. Только в нем мы будем жить после смерти.

Через потомство мы можем до известной степени предопределить грядущие судьбы человечества.

Всякий камешек, который мы как воспитатели бросаем в зеркальные глубины детской души, будет в течение столетий распространять все более и более широкие круги своего влияния», — еще в

здесь оно становится источником всякой практической деятельности.

Планы, проекты, предположения — все это разновидности упомянутой деятельности фантазии.

Будущее как главный принцип проектирования воспитания.

Будущее — важнейшая забота и воспитания. Рождение желанного ребенка есть послание в будущее. Слишком многое в настоящем зависит от будущего.

Хорошее будущее ждет наших детей или дурное? Чем надобно снабдить человека на дорогу — перед началом самостоятельного действия? Что-

Что будущее делает

Борис Бим-Бад

преддверии XX века, в 1900 году, писала в книге «Век ребенка» влиятельный шведский педагог Элен Каролина Софья Кей (1849–1926).

Но вопрос о будущем — вечная проблема воспитания, да и жизни в целом.

Будущее в жизни человека.

Будущее есть главное в наших каждодневных заботах. «Что день грядущий мне готовит? Что ждет нас?

Всякое желание есть желание будущего. Любая программа рассчитана на время ее реализации.

Будущее предвидится, предстоит, грозит, ожидается... Время жизни, продолжительность обучения, срок тюремного заключения — все имеет вектор предстоящего.

Человек и есть его будущее. Очень ясно это показал испанский мыслитель Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955): «“Жить” — это “делать”, без отдуха и срока. “Делать” всегда значит “осуществлять будущее”. Даже когда мы отдаемся воспоминаниям, мы вызываем их в данный момент, чтобы в следующий достигнуть чего-то, хотя бы удовольствия. Это простое, непритязательное удовольствие показало нам секунду назад желаемым будущим; вот мы и “делаем” что-то, чтобы его получить».

Человек живет в будущем и для будущего. Человек — всегда нечто большее, чем он есть в данный момент.

Действительно, мы поздравляем с прожитым, а желаем хорошего в будущем.

Через постановку цели и усилие воли человек превращает свои потребности в действия.

Воображение, фантазия.

Жизнь фантазии ребенка то более, то менее ясно, но всегда переносится в будущее. Даже совершенно вымышленный и невозможный факт является в качестве ожидаемого и имеющего наступить в будущем. Даже фантазируя о прошлом (как, например, при возбуждении воображения историческими рассказами), ребенок обращает прошлое в перспективу, в будущее.

В этой форме свободное фантазирование из области детской жизни распространяется и на *остальную жизнь человека*, в более правильном и потому легче поддающемся наблюдению виде;

бы не загубить таланты, помочь им окрепнуть? Чтобы они грудью встретили будущее и — главное — чтобы они могли его сами выращивать, создавать.

В какие школы пойдут и кто, и чему, и как их там будут учить, образовывать, просвещать? Зачем? Ради каких ценностей?

Как будут соотноситься друг с другом образование и жизнь человеческая, одного человека и всех людей в целом?

Проектируя воспитание, выстраивая его программу, обосновывая его идеал, намечая его стратегию и проясняя тактику, воспитатель вынужден самоопределиваться в вопросе о степени своей обращенности к будущему: к ближайшему, которое несет в себе основные пороки настоящего, или — к более отдаленному, желательному, лучшему будущему.

Соответствуют ли цели и содержание образования направленности и перспективам социального развития, структуре общества, его ценностям и нормам? Необходимы ли, возможны и достаточны ли существующие формы образования с точки зрения обозримого будущего? Известны два основных типа ответа на эти вопросы.

1. *Воспитание как один из видов изготовления будущего.* Будущее есть по преимуществу педагогическая проблема. Идея воспитания для созидания будущего заставляет видеть в ребенке залог новых судеб человечества, она говорит одновременно о том, что есть только один способ созидать, творить будущее, — это созидать и творить настоящее, и только один способ воспитывать детей — это воспитывать самих себя.

«Основной принцип, из которого должны исходить те, кто составляют планы воспитания, такой: дети воспитываются соответственно не с настоящим, а с возможно более совершенным будущим состоянием рода человеческого, т. е. в соответствии с идеей человечества и его назначения как целого. Значение этого принципа чрезвычайно велико. Родители обычно воспитывают своих детей таким образом, чтобы они могли приспособиться к современным им жизненным условиям, какими бы плохими они ни были. А им следовало бы давать детям воспитание лучшее, чем современное, чтобы стал возможным и лучший мир...»

Как значительны и важны вытекающие из этой цели следствия! Все доброе, что есть на свете, берет свое начало в хорошем воспитании. Необходимо, однако, чтобы ростки добра в человеке все более и более развивались, ибо в естественных склонностях человека мы не обнаруживаем злых начал». (Иммануил Кант.)

В этом предложении Канта речь идет о преднамеренно и обдуманно создаваемом будущем. Надобно не приспособлять детей к ближайшему обозримому будущему, требует Кант, а формировать их как членов идеального правового общества всеобщей справедливости, общества умопостигаемого.

Это требование Канта имеет в высшей степени радикальный смысл: или установить такое общество,

Только сделавшись отцом, но отцом в полном смысле этого слова, т. е. вполне сознательно относясь к воспитанию своих детей, человек начинает жить полной «жизнью сердца».

О, топот детских ножек! в тебе слышен легкий и сладостный шум грядущих поколений, неопределенный и смутный, как само будущее, вершителями которого, быть может, мы явимся, если сумеем воспитать их».

Предоставленное случаю, воспитание ежеминутно уклоняется на своем долгом пути. Сами родители очень часто не имеют ясного представления о цели воспитания, в особенности, когда дети их еще очень малы.

К какому нравственному идеалу обращают душу ребенка в большей части семей?.. Многие вос-

хорошего для нас?

то есть реализовать идеал, или отказаться от прогресса, и третьего не дано.

Кант: «Быть может, по мере постепенного улучшения воспитания каждое новое поколение будет делать шаг вперед по пути к совершенству человечества, ибо в воспитании заключена великая тайна усовершенствования человеческой природы. Осознание того, что, благодаря воспитанию, человеческая природа будет прогрессировать и что ей можно придать такую форму, которая соответствовала бы идеалу, воодушевляет и открывает перед нами перспективу более счастливого будущего человечества».

Воспитание правильно расценивалось и Фихте, вслед за Кантом, как «цепная реакция», как «расходящиеся круги» влияния не только на настоящее, но и на будущее.

Нечего надеяться на самопроизвольную мудрость и величие будущих поколений. Они не рождаются автоматически из настоящего. Будущее можно только творить, творить сегодня.

2. *Сочетать сегодняшнее с будущим.* Принесение настоящего в жертву будущему (сколь угодно прекрасному) чревато опасными последствиями. Этот поворот принадлежит великому педагогу И. Г. Песталоцци (1746–1827).

Януш Корчак (1878–1942) ясно показал, что детям показано полно проживать свое детство: быть счастливыми здесь и сейчас. Тем самым они готовятся встретить новизну грядущего.

Цели воспитания предстают как предвидение желательного будущего, притом — заведомо разного для воспитателя и воспитанника.

Несколько глубоко продуманных страниц посвятил этому вопросу и Мари Жан Гюйо (1854–1888), который, частности, писал: «Становление идеи будущего у ребенка происходит далеко не сразу, и оно зависит от активности воспитанника... Когда дитя голодно, оно плачет и протягивает руки к своей кормилице: вот зародыш идеи будущего. Всякая потребность предполагает возможность ее удовлетворения; совокупность таких возможностей мы обозначаем термином “будущее”. Время закрыло бы доступ к себе существу, которое ничего не желало бы, ни к чему не стремилось бы... Будущее есть не то, что идет к нам, а то, к чему мы идём.

питывают своих детей не для самих детей, а для себя. Я знавал родителей, которые не хотели выдавать своих дочерей замуж, чтобы не разлучаться с ними, или не позволяли своим сыновьям готовиться к какой-либо профессии (например, быть ветеринаром), если она не нравилась им, родителям. Удовольствие родителей — вот что в таких семьях преследуется воспитанием детей...

Подлинно благотворное воспитание бескорыстно: ребенка следует воспитывать для него самого.

От цели воспитания для настоящего и будущего — к практике семейного воспитания.

Если будущее имеет постижимый вектор, то наряду с радостью бытия нам надобно воспитывать и для долгосрочных важных дел. Каких? — Конструктивных, животворных, помогающих выстоять в исканиях своего пути и стать полезными.

Для проживания нами своей жизни важно также то или иное эмоционально окрашенное отношение к осознаваемой нами конечности нашего земного пути.

Справляться с ситуациями неопределенности, которые вызывают повышение тревоги, надобно учить специально, чтобы воспитанники с помощью мышления могли *преодолевать страх будущего*, его таинственной природы.

Важно учить открытости к будущему, открытости к неожиданному и непредвидимому. Ибо знание, основанное на опыте, не исключает приобретения в будущем нового опыта, не согласовывающегося со старым.

Чтобы научить людей самостоянию, планированию жизни и деятельности без фанатизма и без фатализма, полезно совместное планирование предстоящей работы воспитателя/учителя с детьми с учетом вероятностной природы будущего.

Постепенно помощь опытного руководителя в составлении и осуществлении планов уменьшается и, наконец, сводится к поощрению самостоятельного распределения событий в обозримом будущем.

Борис Михайлович Бим-Бад, доктор педагогических наук, действительный член Российской Академии образования

Вокруг развития и воспитания

Новое о хорошо знакомом
и ещё не знакомом

Опять бабушки и дедушки виноваты

Британские дошкольники, которых воспитывают бабушки и дедушки, имеют избыточный вес чаще своих сверстников. К такому выводу, сообщает Би-би-си, пришла группа ученых из Университетского колледжа Лондона.

Исследователи проанализировали данные о 12 тысячах детей в возрасте от девяти месяцев до трех лет. Было установлено, что дети, которых воспитывают только бабушка и дедушка, имеют избыточный вес на 34 процента чаще, чем их сверстники, посещающие дошкольные учреждения или растущие с няней. Для детей, которых отдают на воспитание бабушкам и дедушкам лишь на время, этот показатель составил 15 процентов.

Кроме того, ученые выяснили, что обнаруженная зависимость характерна в основном для обеспеченных семей, в частности для тех, где мать имеет ученую степень, специальность, работает на административной должности или проживает вместе с супругом.

Исследователи не ставили задачу выяснить причины взаимосвязи между избыточным весом ребенка и участием бабушек и дедушек в его воспитании. Предположительно этими причинами являются недостаток физической активности и потакание капризам детей.

Хотя согласно последним данным, показатель распространенности ожирения среди британских детей впервые снизился до уровня 2001 года, общий уровень ожирения в стране слишком высок. Лишний вес имеют 57 процентов мужчин и 67 процентов женщин. Почти каждый четвертый взрослый британец страдает ожирением.

А что ты худенький такой — так это поправимо!

Я тебя
знаю!

Откуда наша способность запоминать лица?

До сих пор считалось, что определяющую роль в распознавании и запоминании лиц может играть обучение и окружающая среда. Сотрудники университета Макуайра (Австралия) в попытках уточнить, какой фактор является основным, провели опыты с трезмятами однояйцевых и разнотельцевых близнецов. (Напомним, что однояйцевые близнецы происходят из одной яйцеклетки, разделенной надвое, поэтому их генетический материал идентичен. Гены разнотельцевых близнецов сходны между собой так же, как гены обычных братьев или сестер.)

Ученые показывали испытуемому множество фотографий лиц,

снятых в разном ракурсе и при различном освещении, и просили запомнить как можно больше.

Оказалось, что однояйцевые близнецы запоминают лица приблизительно с одинаковым успехом. У разнотельцевых близнецов такая взаимосвязь выражена менее ярко. Эти результаты однозначно указывают на генетическую составляющую в узнавании лиц.

(В предыдущем номере «Семьи и школы» рассказывалось о другом исследовании на сходную тематику. Нейрофизиологи установили, что за восприятие и узнавание известного испытуемому персонажа отвечает конкретный нейрон.)

Можно ли отредактировать собственную память?

«Новые методы редактирования воспоминаний дают надежду, что однажды мы научимся лечить фобии, посттравматический стресс и другие синдромы, связанные с повышенной тревожностью», — пишет «Уолл-Стрит Джорнэл».

На первом этапе лечения воспоминание «извлекают из архива», побуждая человека вновь испытать эмоции, которые он ощутил в тот момент, — часто это страх или отчаяние. Например, пациенту показывают фотографии собак и обучают его реагировать на воспоминание иначе. На заключительном этапе отредактированное воспоминание закрепляется в мозгу.

Ученые не стремятся полностью стирать воспоминания — это было бы неэтично и заставило бы задуматься о судьбе других воспоминаний, ассоциативно связанных с нежелательными, поясняют исследователи. Идеаль-

ный сценарий — уменьшить или устранить страх, сопровождающий данное воспоминание.

Прежде ученые считали, что воспоминания — точно фотографии: все детали прочно фиксируются на момент съемки. Теперь многие специалисты пришли к мысли, что воспоминания хранятся в мозгу, точно папки на полке: когда берешь папку для просмотра, в ней можно что-то изменить.

Обычно от травм и фобий лечат, заставляя пациента сталкиваться с раздражителем в безопасных условиях. Инстинктивный страх постепенно ослабляется. Но этот метод не устраняет и не редактирует страшные воспоминания, а рецидивы фобии — обычное явление.

Ученые надеются, что новые методы ослабят инстинктивный страх на более долгий период или даже навсегда. Фокус в том, чтобы провести

лечение в момент, когда воспоминание извлечено из архива, и сохранить в памяти, как в компьютере, измененный вариант. Для этого пациента просят детально описать на бумаге травматический инцидент и в начале каждого сеанса терапии перечитывать. Перед тем как воскрешать воспоминания, пациент принимает средства от гипертонии, подавляющее частое сердцебиение, потливость и другие симптомы страха.

Психологи из Нью-Йоркского и Техасского университетов попробовали лечить фобии с помощью поведенческой терапии. Вначале они внушили подопытным страх перед синим квадратом (каждый раз, когда это изображение появлялось на экране монитора, следовал удар током), а на следующий день провели курс лечения. Контрольной группе просто показывали синий квадрат без удара током, а у других за 10 минут до сеанса воскресили болезненное воспоминание новым ударом тока. В итоге страх перед синим квадратом изгладился лишь у тех, кого переучили после ретравмирования воспоминания.

Отчего плачет младенец?

Специальные мониторы смогут расшифровать младенческий плач, чтобы родители знали наверняка, хочет ли малыш есть, спать или у него что-нибудь болит. Японские ученые сообщили о деталях статистической компьютерной программы, анализирующей крик ребенка.

Каждый родитель знает, что новорожденный выражает эмоции только с помощью плача. К сожалению, ни одно руководство по воспитанию не может дать точных указаний по поводу того, как его толковать. Только с накоплением опыта родители начинают различать плач, связанный с голодом, неудобством или болями.

Японские ученые начали разработку измерителя чувств и эмоций на основе изобретения, сделанного еще в 1970-х годах профессором Мицуо Нагамаши, деканом Международного Университета Хиросимы. Томомаса Нагашима из Технологического института Муроран в Хоккайдо поясняет: фундаментальная проблема разработки датчика эмоции для детей состоит в том, что ребенок не может подтвердить то, что хочет выразить. Разные ученые пытались классифицировать младенческие эмоции, анализируя образцы плача, но без успеха.

Ученые использовали звуковой подход распознавания образов, применяя статистический анализ частоты криков и их силы, чтобы класси-

фицировать различные типы плача. Затем они связали данные этого анализа с эмоциональным состоянием ребенка, подтвержденным родителями. Они достигли стопроцентного успеха в классификации радостного или печального плача.

Пока что развит теоретический метод для классификации детских эмоций. Но однажды система может быть внедрена в портативное электронное устройство, помогающее родителям и няням определить причину крика.

Когда младенец всем доволен, он не плачет

«Поколению Y» нужно всё и сразу

Это поколение считает, что заслуживает высокой зарплаты и престижных должностей, но не желает напрягаться на работе, пишет «Дэйли Мэйл» об американцах, рожденных в конце 1980-х. По сравнению со своими родителями и старшими братьями представители «поколения Y» больше ценят рабочие места, где отпуск большой, а темп работы не очень напряженный. Они часто соглашаются с утверждением, что работа — лишь способ заработка, сообщает журналист, резюмируя новое социологическое исследование.

Авторы этого исследования сравнили трудовую этику трех поколений. Бэби-бумеры, рожденные в конце 1940-х и в 1950-е годы, жили своей работой. Так называемое «поколение X» — дети 1970-х, чье взросление в США пришлось на время экономических трудностей, пору эмансипации женщин и все более частых разводов, придают одинаково важное значение работе и отдыху. И, наконец, для современной молодежи — «поколения Y» — самореализация в работе не столь важна.

Это совпадает с выводами рекрутских агентств, считающих, что многие выпускники американских вузов — это избалованные примадонны с завышенными требованиями. Многие фирмы сообщают, что теперь стараются нанимать иностранцев, так как они более трудолюбивы.

Хотим всего
и сразу!

В шотландской школе учат, как лучше спать

В шотландской школе подростков стали учить, как лучше спать. Эти уроки проводятся в нескольких школах страны благотворительной организацией «Сон Шотландии». Эксперты считают, что многие психологические проблемы, с которыми сталкиваются подростки, например раздражительность и апатия, объясняются недостатком сна, потому что они поздно ложатся даже по будним дням.

Детей учат, что они должны спать не менее 9 часов. Исследователи обнаружили, что очень часто британские подростки продолжают смотреть телевизор или играть в компьютерные игры после полуночи, иногда в постели.

В программе принимает участие, среди прочих, школа в Глазго. Фиона Паттерсон, которая отвечает за здоровье учеников в школе, говорит, что результаты исследования ее приятно удивили. Один 15-летний ученик школы, который присутствовал на первом занятии, рассказал, что под впечатлением услышанного он решил лечь спать раньше. «Я лег спать в 10 часов вместо 11, и теперь чувствую себя немного лучше, — говорит он. — На этот раз я не засыпал на французском, как обычно...»

Люди из организации «Сон Шотландии» утверждают, что дефицит сна ведет к таким проблемам, как ожирение и повышенный риск депрессии. А продолжительный сон улучшает успеваемость в школе и способствует успехам в спорте. Вы ведь не пошлете ребенка в школу без завтрака, так как же можно не обращать внимания на его сон?

Бодрость духа против старости

Американские ученые подтвердили расхожую истину: человеку столько лет, на сколько он себя ощущает. Похоже, наш организм точно выполняет установки головного мозга.

Вам не приходилось, спрашивает Татьяна Батенёва в «Известиях», встречать старушек-веселушек, которые до глубокой старости любят моду, спорт и готовы на любые приключения? Или не по годам пожилых юношей, которым все в жизни уже неинтересно. Для науки у человека есть два возраста: так называемый паспортный и настоящий — биологический.

Человек может быть существенно моложе возраста, указанного в паспорте, а может быть и старше. Причем это различие возникает иногда уже в детстве. Ученые из Университета Пердью (США) в течение 10 лет наблюдали за 500 добровольцами в возрасте от 55 до 74 лет. И не только проводили с ними собеседования, но и измеряли параметры их физической и интеллектуальной активности, обследовали функции внутренних органов и головного мозга.

В начале исследования в 1995 году большинство испытуемых заявляли, что чувствуют себя примерно на 10–12 лет моложе своего паспортного возраста. Через 10 лет ученые вновь обследовали их и убедились, что физические кондиции и умственные способности у этих людей сохранились значительно лучше, чем у тех, кто признавал свой паспортный возраст истинным. Правда ученые пока не могут сказать, что здесь первично: внутреннее ощущение молодости замедляет старение или, наоборот, лучшее состояние организма дает ощущение молодости. Но в любом случае, отмечают исследователи, нужно стараться как можно дольше сохранять молодость души — старость этого боится.

Прежде считалось, что женщины острее реагируют на признаки старения и тяжелее мужчин переживают приближение старости. Но проект большой разницы между полами не показал. Молодость духа и радость жизни умеют сохранять и бабушки, и дедушки.

Н. П. (по материалам Интернета, иностранной печати и радио)

Юлия
Корчагина

Когда-то я умру. Просто составлюсь — или заболею — и умру. Невозможная вещь — но по утрам это особенно чувствуется.

«Жизнь бессмертна только до половины». (Анна Цветкова.) Первая серьезная болезнь родителей — и ты разом становишься на пару десятков лет старше. Вдруг замечаешь, как они постарели, цепляешься взглядом, пытаешься в их изменившихся лицах узнать прежние, знакомые с детства черты. Из тех времен, когда тебя забирали из детского сада, водили в новый год на елку, учили ездить на велосипеде, ругали за двойку по математике и за не вымытую вовремя посуду. Безнадежно. Время ушло, а ты не успела подготовиться.

Во сне ты идешь вместе с ними знакомой дорогой — той, что ведет в заросший деревьями парк, где ты гуляла ребенком. Что-то не так в этом сне, тревожно. Или угроза — или просто небосклон чуть темнее обычного?

В парке необычно безлюдно. Вы идете — и всё мрачнее пейзаж, всё гуще и тяжелее воздух. Тебе становится страшно, ты просишь родителей вернуться домой, но они идут вперед, будто не видя тебя и не слыша твоих слов. Поднимается ветер, старое дерево со скрипом и грохотом падает перед вами, преграждая путь. Ты замечаешь, что твои родители устали, и помогаешь им перебраться через упавший ствол, подавая руку и поддерживая. Теперь ты идешь впереди, показывая дорогу. В какой-то момент оглядываешься — и не находишь их позади себя. И уже откуда-то знаешь, что они не отстали и не потерялись. Просто дальше надо идти одной.

Стоишь — серьезная, печальная и будто немного обманутая. Позавчера тебе было пять, вчера ты уснула семнадцатилетней, а сегодня проснулась — и тебе уже (за) сорок.

Мысль о возрасте становится верной осязаемой спутницей, и ты иногда смиряешься и успокаиваешься, но чаще — снова и снова чувствуешь внутри безнадежную тоску и страх. Липкий, душный страх, от которого мышцы становятся какими-то вялыми и бессильными.

Конечно, ты не думаешь об этом каждую минуту — иначе можно сойти с ума. Днем ты находишь важные и неотложные дела, которые требуют твоего присутствия и участия, отвле-

кают и увлекают. Самое трудное время — это переход вечера в ночь, когда все дела уже сделаны, но еще слишком рано для сна.

Засыпаешь к утру. И — опять. Ты бежишь узкой тропинкой через поле — как в детстве, когда трава по пояс и даже выше головы. Бежишь, и вот толи трава становится ниже и реже, толи ты вырастаешь над ней — и теперь видно, что слева и справа от тебя бегут другие люди. Кто-то быстрее, кто-то медленнее. Бегут, не замечая попутчиков, сосредоточенно глядя перед собой, — будто впереди есть какая-то необыкновенно важная цель. Тебе становится интересно, и ты стараешься бежать быстрее, чтобы успеть одной из первых. И вот через какое-то время за пригорком открывается горизонт — и всё становится понятно. Ты видишь, чем заканчивается путь: впереди ограды и кресты — кладбище. В испуге ты стараешься замедлить свой бег, ты вовсе не торопишься оказаться там раньше времени. Какие-то люди обгоняют тебя с теми же отрешенными лицами.

И тебе здесь осталось не так уж долго, а потом там лежать — веки вечные...

Страшно.

Просыпаешься, пытаешься найти опору, вспоминаешь спасительное — дети. Наше будущее, наше продолжение. Смысл, который так долго оставался для тебя доступным. Но и здесь уже почти всё позади, не вернуть, не исправить ошибок, не повторить радостей. Взять бы на руки, прижать к себе, покачать, побаюкать... — ах да, уже давно вырос. Скоро уйдет.

И проснувшись окончательно, понимаешь, как трудно теперь остаться прежней. Ты отравлена мыслью о безвозвратности прошлого. О том, что пройдено больше половины пути — и многое уже поздно, и поэтому непременно надо успеть... Но *что именно* надо успеть — ты не знаешь. Ты не можешь найти слова, ты не знаешь языка, на котором говорят о важном.

Ах, как притягивает эйфория (или лихорадка?) пятидесятилетних девушек с простыми решениями: «Почувствуй себя богиней. Все в восторге от тебя».

«Это неправда — эти истории. Но я в них верю». (Патриция Каас.) На самом деле ты и раньше догадывалась,

что это пустышка. Обманка, позволяющая забыть, что кроме условных рефлексов у тебя есть душа.

Добро пожаловать в кризис среднего возраста.

В конце концов ты оставляешь попытки отрицать это. На отрицание можно потратить еще десять — двадцать лет, и тогда из сомнительной второсортной юности ты ухнешь с разбегу прямоком в старость, проскочив с закрытыми глазами целую эпоху своей жизни.

Ты уже почти готова быть честной. Остановиться. Оглянуться назад. Удержаться от соблазна начать всё сначала. Подвести итоги.

Но впереди — ведь что-то еще есть?

Кто ты теперь — теперь, когда всё чаще называют *женщиной*, — даже случайно и в полумраке, когда состарились или умерли родители, когда выросли дети? Когда робко, но вполне всерьез ты начинаешь думать про «стакан воды», который кто-нибудь должен будет подать? Когда уже невозможно измерить себя свежестью, красотой и платьями? Так кто же ты теперь? И в чем смысл твоей жизни? В конце учебника нет ответа, да и как об этом говорить в приличном обществе? *Mauvais ton*.

Ты теперь много думаешь — о Делах и о Людях, о Себе и о Мире. Твои мысли беспокойны. В них — то эгоистичное отчаяние «жить для себя», то жертвенный идеализм «жить для других». И ты никак не можешь понять, *что* между полосами — золотая середина или так, ни то ни сё?

Но все-таки постепенно что-то меняется — иной становится твоя душевная жизнь. Ты уже почти точно знаешь, кем ты больше не являешься, из чего ты уже выросла. Ты как будто заново учишься узнавать и разделять важное и второстепенное, истинное и фальшивое — в отношениях и в делах, в мыслях и поступках. Будто пробуешь на вкус разные ответы и примеряешь их к себе — как раньше платья.

Во всяком случае, ты начинаешь чувствовать себя живой. Ты еще немного заигрываешь с богинями вечной молодости, рассчитывая на их снисходительность, но всё-таки решаешься. Стать другой — уже не юной, но пока еще не старой.

Это похоже на начало путешествия по незнакомым местам — без проводника и путешественника. Ты не знаешь, что ждет тебя в конце пути, и не знаешь, сколько раз еще ты успеешь остановиться и изменить маршрут. Но уже не сомневаешься в том, что только в пути и только держа глаза открытыми, можно узнать что-то еще о себе и о мире.

Ведь ты этого хотела?

Раз-два-три-четыре-пять — я иду искать...

Первая
статья цикла
«Трудные
взрослые»
напечатана
в № 3.

Юлия
Владимирова
Корчагина,
кандидат
психологи-
ческих наук,
клинический
психолог,
старший
научный
сотрудник
Московского
гуманитар-
ного
педаго-
гического
института

Владимир Львович, подскажите — как можно научить детей разумной осторожности, при этом не задев их доверия окружающему миру (особенно — людям)?

«Не задев их доверия...» Прямо вот не задев, не дотронувшись до доверия ни волоском?

Да не выйдет же не задеть. Придется задеть, и очень даже основательно, придется сильно поработать с этим самым доверием, подвергнуть его критике и основательно ограничить. Более того, придется сделать ему, доверию, хирургическую операцию. А именно, в то место, где у доверия входные ворота, где находится слепая дыра, ведущая в душу, — вот в это самое место придется вставить, вживить *глаза*.

Обозревая немалый опыт родителей, уже воспитавших своих детей более или менее адекватными людьми, плюс свой собственный скромный опыт с пятерыми мальцами, —

трое из которых уже выросли, а двое еще растут, — могу обнадежить: если ребенку не мешать самому работать со своим доверием и постепенно *озрячивать* его, то в большинстве случаев она сама собой образуется, эта, условно говоря, разумная осторожность. Более того, многим детям она присуща в зачатке уже врожденно и сама служит первоначальным фильтром для отсеивания того и тех, кому доверять можно, от того и тех, кому не очень или совсем нельзя. Уже полугодовалый младенец, находясь в компании незнакомых или малознакомых людей, сам инстинктивно потянется к тому, кто из них всех добрее и спокойней, а того, кто внутри черен, отметит либо подозрительным взглядом, либо явным игнорированием, а то и ревом во всю глотку. И тут иногда подумаешь: кому же у кого надо учиться этой самой разумной осторожности?

Для инстинктивно, врожденно разумных в отношении к доверчивости детишек старшие — только поставщики жизненного материала, из которого дети сами успешно строят свою систему мироотношения. Они будут и любопытничать, когда надо, спрашивать, если не словами, то взглядом, будут сами ставить эксперименты с теми или иными предметами, явлениями и людьми, делать выводы и проверять их снова и снова... Будут, конечно, совершать и ошибки, иногда рисковать, иногда получать травмы, иногда очень серьезные и опасные, — ну а как же без этого?

Чем больше мать страшится мысли о возможной смерти ребенка, тем меньше у него условий стать хоть сколько-нибудь физически развитым и духовно самостоятельным человеком... Смотрите, как бы, оберегая от бактерий, не поместить ребенка в атмосферу, перенасыщенную затхлостью скуки и безволия.

Из страха, как бы смерть не отняла у нас ребенка, мы отнимаем ребенка у жизни; не желая, чтобы он умер, не даем ему жить... (Януш Корчак)

Разумное, но еще неопытное существо по имени Ребенок врожденно знает, что окружающему миру, включая и людей, априорно, от балды, не следует ни доверять, ни не доверять. А надлежит этот мир исследовать. Познавать. С долей риска — как правило, затаенной, трудно определимой. А иначе — никак.

На самом-то деле вы очень правильно, очень хорошо поставили свой вопрос. В нем уже есть ответ. В диалектичности ответ, в двух чашах весов, меж которыми ищется подвижное равновесие... И ответ вот какой: разумной осторожности научить нельзя, но стремиться к этому надо.

Еще один ответ: у нас у самих нет разумной осторожности. Ни у кого нет ее в той точно отмеренной дозе, которая только и делает лекарство максимально действенным и безопасным. Всегда осторожности либо недостаток, либо какой-то избыток, и всегда колебания и шарахания из стороны в сторону. Обжегшись на молоке, дуем на воду, кустов пугаемся, зато денежки доверяем не тем, кому следует, голоса выборные и подавно. Под видом воды глотнуть можем и яду, тем паче, если вода с градусами...

Вы говорите «дети», вообще дети. Какие дети? Какой ребенок конкретно?.. Дети — это ведь и младенцы, и юноши во цвете лет, и девочки, и мальчики, и боязливые, как зайчики, и отчаянные, оголтелые...

Вот возьмем нечто совсем «простенькое»: переход через улицу, полную несущихся машин, или даже просто нахождение на такой улице. Целую книгу надо написать о том, как переходить улицу взрослому, чтобы уменьшить риск быть сбитым. Уменьшить, только уменьшить. Не устранить риск совсем — этого не получится! Даже если спокойно стоишь на остановке, есть вероятность того, что какой-нибудь Неподберуслова в тебя въедет. Недалом москвичи говорят: переходя улицу на зеленый свет, смотри на машины, а не на светофор, — он еще никогда ни на кого не наезжал. И на меня в текущем тысячелетии зеленый светофор ни разу не наезжал посреди перехода, а обкуренный Ненайдуругательства зверски наехал и переломал тазовые кости. А вы говорите: «не задевая доверия к людям»...

Обидно, правда? Именно в этот раз не нарушил правила, а пострадал жестоко. Сам-то я по своим характерологическим особенностям обычно перехожу улицы с риском, близким к максимальному, иногда и зеленого не жду, если вижу, что обстановка позволяет. Манеру сию категорически и справедливо не одобряет моя жена, придерживающаяся противоположной тактики: она даже на зеленый не переходит по причине того, что он скоро кончится. Но у нас так и распределены семейные обязанности: я — Газ, она — Тормоз. Хорошая, кстати, психологическая метафора — придумали школьники: 11-летняя дочка недавно меня спросила: «Пап, а ты кто, Газ или Тормоз?» Я, чуть подумав, ответил: «Вообще-то Газ. Но для тебя, наверное, Тормоз».

Пока учат водить машину, инструктор подсказывает: жми на газ, жми на тормоз... А для жизни можно разве составить такую инструкцию на все случаи? Попробуем же для начала хотя бы определить, кто наш ребенок больше: Газ или Тормоз?.. Определив, легче решим, что нужно чаще: подталкивать или удерживать...

Да, в отношении своих детей я скорее тормоз — невольно проецирую на них когда-то загнанную собственную боязливость... Газотормозное соотношение может сильно меняться на протяжении жизни. И так бывает, что ребенок, в раннем возрасте недоверчивый, осторожный до боязливости, в такой степени, что даже отстает в набирании опыта, — подойдя к рубежу пубертата, вдруг делает поворот на 180 градусов и оказывается доверчивым до безрассудства, впускаемым до беспредельности, а то и безбашенным... Один из моих сыновей проделал похожую траекторию и постепенно, хотя и с изрядным запозданием, более или менее уравнился.

Пожелание: если вы приводите ребенку (любого возраста) какой-то негативный пример, ставящий мир и людей под знак недоверия, потрудитесь обязательно тут же подыскать альтернативный пример — положительный. Лучше даже парочку, но хотя бы фифти-фифти. Причем важно, чтобы и эмоциональный вес, интонационный удар того и

Газ или Тормоз?

Как научить детей разумной осторожности?

Владимир Леви
отвечает
на вопросы
родителей

другого случая был либо одинаков, либо с перевесом в сторону положительного.

Еще пожелание. Далеко не во всех случаях следует объяснять ребенку причину предостережения или запрета на что-то и обрисовывать возможные страшные последствия нарушения запрета. «Не стой близко к краю тротуара», «Не подходи близко к краю платформы в метро». «А почему?» — может спросить любопытное дитя. «Ну не стоит, и всё. Не надо». Без лишних слов, просто всем видом, интонацией и собственным примером показывая, как не надо — и как надо.

Больших Правил Безопасности не так много, не более, вероятно, десятка-полтора. Их можно преподавать в нужных словах и интонациях сперва малышу, а потом и подрастающему человеку, доходчиво для каждого возраста и характера преподавать.

Фото Владимира Воронова

Не стоит раздвигать ребенка по каждой мелочи, из каждого неловкого движения устраивать драму... Панические, крикливые, одергивающие, гиперопекающие мамы порождают либо свертревожного невротика (если не психотика), либо глухую к сигналам настоящей опасности, с бронированными психологическими защитами, туповатую личность. Часто оба эти персонажа живут в одном человеке — живут, но не уживаются: один беспрерывно газует, другой тормозит и тормозит... Каким может быть результат постоянного одновременного нажатия и на газ уверенности, сиречь доверия жизни и себе, и на тормоз — недоверие, неуверенность?..

...После того, как этот текст был опубликован в моей бесплатной интернет-рассылке «Конкретная психология», ко мне пришло письмо от психолога Татьяны Р. Привожу его без редакции и сокращений.

ВЛ, хочется дополнить кое-что к затронутой вами в недавней рассылке теме безопасности детей — поделиться своим скромным опытом.

Мы с мужем провели, если можно так сказать, жизненный эксперимент над своим сыном. С самого нежного возраста он слышал от нас предупреждения и

получал возможность понять, к чему это предупреждение относится. «Горячо!» — говорил муж, когда малыш пытался добраться до огонька свечи. Достаточно ему было чуть-чуть прикоснуться к расплавленному воску, как он понял, о чем говорит папа. Пополз к остывающему на полу утюгу — оставили специально, наблюдая и контролируя ситуацию. «Горячо!» Сынуля приблизил ручонку к подошве, почувствовал исходящее тепло и остановился. «Ай!» — сам грозит утюгу пальчиком. С тех пор, достаточно короткого и быстрое действие «Горячо!», вместо «Уйди, не лезь, обожжешься, сгоришь...» «Край», «Скользко», «Ступени», «Опасно» — короткие слова, которые останавливают моментально. И ведь выбор-то за ним, что особенно важно для нашего трехлетки.

Простым предупреждением мы заостряем внимание малыша на особенностях реальности, с которыми он может столкнуться, а уж как действовать — решать самому... Наша забота — только соотносить, где он может справиться сам, а где пока требуется помощь мамы и папы. Как же он в три года поймет, как действовать в рискованной ситуации?... А игры? А мультики? А личный пример? А сказки?... Весь этот материал очень прочно откладывается в детской головке и срабатывает, когда это необходимо. «Смешарики», например, и подаренный на двухлетие игрушечный светофор помогли обучить маленького основам правил дорожного движения. Понятно, еще не скоро он один через дорогу пойдет. Но есть надежда, что сейчас нам удалось игрой и удовольствием прочно вложить ему в подсознание, как безопаснее вести себя на дороге. Позже объясним еще раз и иначе, например, когда будет осваивать двухколесный велосипед... Он уже сейчас знает, что делать, чтобы согреть замерзшие ноги, щеки, нос и куда нужно встать, если сильно трясется дом (для нашего региона это актуально), напоминает короткие номера мобильных мам и папы... Все это в игре, на ходу или в очереди, — как развлечение, как способ скоротать время в дороге. Но прочно и надежно!..

Мамы, папы, бабушки, дедушки, слышите? Вот так, развлекаясь, в игре, между прочим, можно обучить ребенка многим буквально спасительным навыкам. Не упустим этих возможностей...

Татьяна Р. продолжает:

...В силу физиологических особенностей нашему сыну особо полезно уметь падать, лазать, прыгать. (Да и любому малышу это не помешает, тем более что соответствует их потребностям в полной мере.) Иначе ему грозит то, чем страдала я, — не вылезала в детстве из травмопункта из-за вывихов и растяжений... Меня уговаривали, требовали — не лазь, не карабкайся, не прыгай! Не учись, короче, управлять доставшимся тебе телом со странными костями и связками — подвижными, гибкими сверх меры...

Мы не надеемся уберечь нашего ребенка ото всех опасностей, но даем возможность узнать кое-какие поближе — и как в них действовать. Где-то, возможно, перегибаем палку... Но и результаты очевидны. А вот ребенок наших соседей, воспитывающийся криками, угрозами, ограничениями, высмеиванием и запугиванием, умудрился свернуть шею... во сне. Повернулся неловко — голова не держится. Вердикт врачей — связки ни к черту. До этого — вывихи, расквашенный наполом язык, падение с лестницы, попытка утонуть в дачной бочке — и все по причине неловкости, неуклюжести. Кричащая закономерность. Вы думаете, мама хоть что-то сделала для изменения ситуации? Ну да, сделала — еще больше ограничила движение... Не говорю, что мы суперправильные родители, но иногда на такое насмотришься, что перекреститься хочется: «Спасибо Тебе, Боже, что хоть чуть-чуть глаза нам приоткрыл...»

Спасибо и вам, Татьяна, за ваши глаза...

Франсуаза Дольто: суть и предрассудки

Исполнилось сто лет со дня рождения Франсуазы Дольто (1908–1988), одного из крупнейших детских психологов, основательницы французской школы детского психоанализа и автора проекта «Зеленый дом», особого пространства, где совсем маленькие дети получают первые навыки общения с миром, первые уроки уважения к себе, к другому и к миру, где проводится предупреждение разных отклонений в развитии и психосоматических болезней (именно Дольто показала, что причины едва ли не большей части детских болезней имеют психологический характер). Сеть «Зеленых домов» широко распространилась по миру, есть такие центры и в России.

Возможно, главная заслуга Франсуазы Дольто в том, что «она первой стала относиться к ребенку как к активной личности, а не как к пассивному объекту воспитания», — считает ее дочь Катрин, известный психотерапевт. Вот что еще она рассказала о наследии своей матери в интервью, опубликованном в журнале «Уикенд», бельгийском приложении к «Экспрессу»:

«Революционной была также идея Дольто о необходимости постоянно, с первых дней жизни ребенка, много разговаривать с ним. Младенец ничего не понимает, — возражали ей, — но современные нейрофизиологи доказали ее правоту: теперь то, что мозг грудного ребенка способен к распознаванию фонов и семантическому анализу, является общепризнанным фактом.

Франсуаза Дольто много писала и выступала в прессе. Она исходила из того, что знания, полученные в кабинете психотерапевта и извлеченные из страданий пациентов, должны служить и другим людям, предостерегать их, чтобы они не повторяли чужих ошибок. И она действительно добилась этого: психоанализ стал достоянием не узкого круга посвященных, а всего общества. Не зря она в течение сорока лет давала бесплатные консультации в парижской клинике Армана Туссо, выступала по радио, писала статьи в женском журнале.

В последнее время стало модным обвинять Дольто в том, что в Европе становится все больше детей, выращенных во вседозволенности, для которых главное в мире — собственное желание. Особенно много говорят об этом бедствии в англо-саксонских странах. Однако работы Франсуазы, переведенные чуть ли не на все языки мира: немецкий, испанский, итальянский, китайский, арабский, румынский, финский и т. д., как раз на английский никогда не переводились! Причиной тому — разногласия между британскими психоаналитиками. Каждому, кто внимательно читал ее работы, ясно, что такие упреки смешны. Например, в одной статье 1968 года она писала: «Родители остаются и должны оставаться ответственными за воспитание ребенка; психоаналитическое лечение, в ходе которого выявляются какие-то подавленные в прошлом желания, не имеет ничего общего с воспитанием и образованием. Родительская тревога подчас доходит до невроза. Многие боятся направлять поведение ребенка, чтобы не травмировать его психику, но это только создает огромные проблемы и им самим, и ребенку. Превратное истолкование психологических и психоаналитических принципов приводит к тому, что страдает развитие личности здоровых детей».

Дольто всегда была за воспитание, основанное на родительском авторитете, но не авторитарное! Выслушать ребенка, понять и учесть его желание — да. Но это не значит, что надо потакать ему всегда и во всем. Напротив, это помогает установить твердые правила. Когда человек чувствует уважение к себе, он скорее примет разумные законы как в семье, так и в обществе. Если его выслушают и поймут, скажут, что считаются с его желанием, но что по той или иной причине поступить так, как он хочет, нельзя, это будет разговор на равных. Причем Дольто вовсе не призывала взрослых пускаться в бесконечные объяснения — это еще один распространенный предрассудок! Объяснить надо коротко и ясно: «Нельзя, потому что это опасно». Или потому что это вредит другим людям, или потому что это запрещено законом. Можно разок-другой повторить объяснение, но потом нужно просто сказать: «Нет. И ты сам знаешь, почему». Обращение к разуму, который даже у маленьких детей развит больше, чем мы думаем, позволяет избежать насилия.

Вообще, идеи Франсуазы Дольто выходят за рамки психоанализа и очень актуальны для современного мира. Чтобы в обществе уживались люди с разными желаниями и взглядами, оно должно поощрять заложенные в каждом гуманности и интеллект, а не тягу к потреблению и агрессии. Достичь примирения легче, если обращаешься к высокому, а не низменному в человеке. Отказываться от своих желаний нелегко. Человеку надо помочь понять, что гораздо приятнее жить в мире с другими людьми и самому нести добро, чем постоянно враждовать с отдельными людьми и со всем обществом. Вот в чем суть учения Дольто!»

Говорит Франсуаза Дольто

В семье дети и собаки всегда знают всё, особенно то, о чем не говорят.

Люди имеют право на болезнь... Болезнь — способ выразить что-то. Когда человек не может выразить это словами, чувствами, тогда берет слово болезнь.

О ребенке говорят много, но с ним не говорят.

Ребенок — это ахиллесова пята взрослого: быть может, даже тот, кто на первый взгляд кажется самым сильным, боится этого правильного существа, которое способно его обезоружить.

Именно ребенок имеет доступ к тому, что обладает наибольшей ценностью в мире, но поскольку он мал и физически слаб, мы навязываем ему нашу волю, как всегда сильные навязывают слабым.

Система образования не учит ни любви, ни уважению к другому, ни самоуважению.

Когда ученика заставляют «срыгивать» перед учителем знание, полученное от другого учителя, — такое образование развращает. «Скажи мне то, что я и так знаю и получишь хорошую оценку», — вот верх педагогической бессмыслицы.

Пытаясь понять незащищенность, ранимость подростка, представим себе раков и лангутов, меняющих панцирь: они прячутся в расщелины скал на время, необходимое для образования нового панциря, который сможет их защитить. Но если в этот момент, когда они так уязвимы, на них кто-то нападает и ранит их, рана эта сохранится навсегда и панцирь лишь скроет шрамы, но не залечит раны.

Из книг «На стороне ребенка» и «На стороне подростка» (издательство «У-Фактория», 2003, 2004)

В детском доме и в жизни

Письма из провинции: англичанин в России

Говард, молодой англичанин, уже не первый раз приезжает в Россию работать волонтером в одном из провинциальных детских домов для детей с психоневрологическими заболеваниями. С разрешения автора мы публикуем его письма к другу, в которых он делится своими впечатлениями и наблюдениями. Сочетание опыта, знания изнутри и взгляда со стороны делают эти письма ценным свидетельством.

Перемены должны быть медленными...

17 декабря 2009

Дорогой Миша! Благодаря свиному гриппу, а точнее благодаря карантину, я всего десять дней работаю в Н-ском детском доме для умственно отсталых детей — и это притом, что уже больше месяца живу нормальной деревенской жизнью российской глубинки: с печкой, продуктами из автолавки и ледяной водой.

Атмосфера сильно отличается от «летних лагерей», в которых я прежде участвовал в качестве волонтера. Во-первых, я один. Во-вторых, сейчас зима.

Погода ясная, и температура держится около минус 20 градусов, так что невозможно ничем заниматься во дворе. Дети проводят большую часть дня в помещении, дети в инвалидных креслах вообще не имеют возможности выбраться наружу. Они возбудимы, полны энергии и с ними, как всегда, очень трудно работать.

Оказавшись в одиночестве, я смог лучше почувствовать ритм жизни детского дома, распорядок появления и ухода воспитательниц и санитарок, иерархию: кто кому подчиняется, кто какие функции выполняет.

Директор детского дома — существо недосыгаемое; благожелательное лицо все в глубоких морщинах, несколько золотых зубов. В повседневной жизни приюта он почти не участвует. Его прежняя специальность была связана с обработкой металла, а не с соцзащитой.

Все вопросы я решаю со старшей воспитательницей — твердой, методичной и дотошной женщиной, чье доброе сердце было принесено в жертву бюрократической системе, а природная чувствительность приглушилась под влиянием опыта. Реально учреждением руководят три-четыре женщины в возрасте сорока-шестидесяти лет. Все они достаточно умны и осторожны.

Если не считать отдельных бюрократических неувязок (вроде

запрета пользоваться спортзалом, так как его полагается убирать после использования, а делать это некому), коль скоро мои документы были в порядке и гриппозная истерика закончилась, никаких преград для моей работы с детьми не оставалось. Эта работа проходила в форме четырех ежедневных «кружков» по 35 минут каждый. «Кинокружок», к примеру, включает короткий мультик, обсуждение сюжета и персонажей и какие-то занятия на эту тему.

Я также работаю индивидуально с некоторыми детьми. Критерий отбора детей — грубый расчет: кому эти занятия принесут больше пользы, кто с некоторой помощью смог бы жить самостоятельно после выхода из детдома. По достижении восемнадцати лет большинство детей переводятся в один из множества взрослых домов инвалидов в пределах области. Средняя продолжительность жизни в этих учреждениях невысока, алкогольная и наркотическая зависимость процветают.

По документам в детском доме в настоящее время числится 93 ребенка. Реально их количество колеблется где-то между 60 и 70, так как некоторые семьи периодически забирают детей домой, а кто-то находится в патронатных семьях. Возраст детей — от четырех до восемнадцати (дети моложе семи лет недавно впервые появились в детдоме).

Сотрудники работают посменно: администрация — с восьми до четырех, воспитательницы — по двенадцать часов раз в три дня, а санитарки — сутки через трое. Учителя приходят каждое утро заниматься с детьми, при этом они не считаются членами здешнего коллектива, но людьми внешними. Их терпят, им помогают, когда требуется, но не впускают в свой круг. Всего больше ста человек из соседней деревни и ближайшего городка работают в детдоме и получают зарплату от государства. Сюда не входят сотрудники благотворительных организаций и те, кто обеспечивает детдом питанием, оборудованием и всем прочим.

Сам детдом — явление довольно парадоксальное. Спрятанный подальше от глаз, похороненный в деревенской глуши, он при этом является одним из крупнейших работодателей в здешних краях. Официально провозглашенная цель местных властей (поддержанная мнением экспертов) — постепенное упразднение детского дома. Однако если эта цель будет достигнута, много

людей, в частности женщин старшего возраста, останутся без работы. Поэтому любая реальная попытка разрушения этой структуры будет встречена ожесточенным сопротивлением. Даже сейчас передача детей в приемные семьи сталкивается с волокитой и обструкцией. Конец детдома станет концом деревенской жизни в этих местах, где уже сейчас пустует множество домов и целых деревень. Многие просто не поймут такого решения: в детдоме всегда тепло зимой, дети хорошо одеты, регулярно и правильно питаются. Любой энергичный нажим на политическом уровне, ведущий к закрытию подобных учреждений, будет воспринят с недоверием — и в этом есть своя правда. В случае любой нестыковки с развивающимся институтом приемных семей часть этих детей рискует оказаться на улице.

Как бы ни относились к этой проблеме в России, как бы ни менялось это отношение в сторону сближения с европейским, — в любом случае лишь постепенное сокращение количества детей одновременно с развитием института приемных семей будет справедливой политикой по отношению к местному населению и к самим детям. Дети-сироты жили в детдоме со времен войны, он глубоко пророс в социальную ткань региона. Перемены — даже если бы все их хотели — должны быть медленными. Закрытие подобных учреждений в Британии заняло несколько десятилетий.

Наилучшие пожелания! Говард

Учить как «нормальных»?

8 января 2010

Дорогой Миша! Боюсь, предыдущему письму не хватало человеческих деталей. Это могло дать искаженное представление о моей жизни здесь. Ребята в детском доме достаточно яркие и самобытны. В конце концов у вас неизбежно появятся фавориты.

Коле восемнадцать, его скоро переведут в учреждение для взрослых. Это высокий тоненький мальчик с оттопыренными ушами. Он спокоен, сдержан, прилежен, он истинный джентльмен, если можно так выразиться.

Коля серьезно интересуется историей. Поразительно, что этот интерес он успешно развивал, несмотря на проблемы с чтением (а также с письмом и счетом). За годы, проведенные в детдоме, он собрал хоро-

шую коллекцию детских исторических книг, полученных от волонтеров, сотрудников и благотворительных организаций. Его особенно интересует античная история, он свободно рассуждает о римских императорах, Пунических войнах, о великих восточных империях. Однако самая его любимая тема — Спарта, и он готов яростно защищать ее превосходство над другими государствами древности. Коля хорошо рисует, и у него есть целые армии легионеров, гладиаторов и всадников, искусно изображенных на маленьких листочках бумаги, которые хранятся в двух картонных коробках.

Один момент всегда всплывает в памяти при мысли о Коле. Это было во время ежегодных «летних лагерей», которые проходят здесь в июле и собирают волонтеров из России, Англии и Европы на четыре недели интенсивных занятий. В то время я только что закончил университет (где изучал историю) и работал с Колиной группой. Однажды утром, когда все собирались на «линейку» (утренний сбор), мы с ним обсуждали римских императоров. Я слушал вполуха, поскольку кругом царил хаос, один мальчик повис на моей руке и еще пара девочек тоже что-то замышляли. Я не слышал (или не понял), что говорил Коля. Тогда он опустился на землю и палочкой стал что-то рисовать на песке. Я посмотрел вниз — и в тот же миг полузабытое университетское занятие всплыло в моей памяти. Я узнал в его рисунке сложный символ, который император Константин, согласно легенде, приказал своим солдатам рисовать на щитах перед битвой 312 года, которая принесла ему победу, а империи — христианство.

Большинство старшекурсников Оксфорда (где я учился) едва ли смогли бы вот так с ходу нарисовать этот символ. Урок раннехристианской иконографии — вот чего я меньше всего ожидал в психоневрологическом детдоме в сельской глуши. И тем не менее...

Минуту спустя Коля восторженно выкрикивал девиз нашей группы: «Кто мы? Мы — пираты!».

С одной стороны, конечно, Колин интерес к истории — это способ обрести островок безопасности в море отвержения и боли. С другой — это отражение несовершенства той системы обучения, которая применялась в детдоме на протяжении последнего десятилетия.

В идеале целью было учить здешних детей как «нормальных». Но по недостатку средств, желания и поддержки большинство детей выпали из программы. Коля и его любовь к истории — прекрасный пример непоследовательности при воплоще-

нии этой амбициозной задачи: он может рассуждать часами об истории Спарты, но считать он умеет только до десяти. Это ярчайший пример того, как невозможность раскрыть свой умственный потенциал оборачивается невозможностью нормальной, независимой жизни.

До 2000 года, пока не пришли благотворители и не сменилось руководство, дети значительно больше работали, чем сейчас. У детдома была своя пахотная земля, свой скотный двор. Многие продукты питания производились прямо здесь силами воспитанников и воспитателей. Местные и сейчас считают, что прежняя система воспитания была лучше, ближе к той жизни, которую ведут люди за стенами детдома, и полезнее для детей, чем дорогостоящее и бесполезное обучение последнего десятилетия.

Столкнувшись с таким мнением впервые, я был шокирован. Принято считать, что система воспитания меняется к лучшему. Мое внутреннее ощущение было, что ежедневный физический труд лишит воспитанников и детства, и образования. Но, с другой стороны, если говорить о подготовке к самостоятельной жизни, физическая работа,

дающая базовые навыки, имеет явное преимущество перед дефективным школьным обучением.

В это трудно поверить, но в отношении местных к детдому много неприязни. Может быть, они уже не называют его домом дураков (по крайней мере, при посторонних). Однако им не дают покоя сравнительно большие деньги, которые государство и благотворительные организации вбрасывают в детдом без видимого результата. Система обучения — главная мишень критики, но не единственная. Так, мне говорили с возмущением, что зубоврачебный кабинет в детдоме оснащен намного лучше, чем кабинет в ближайшем городке, обслуживающий 15 тысяч жителей. Не раз я слышал утверждения, что детей изнеживают и пичкают ненужными науками, в то время как их надо учить жить, работать на земле. Как человек, который как раз и занимался этим неблагоприятным делом, единственное, что я могу возразить на обвинения: если система обучения выбрана и применяется правильно, она открывает перед детьми больше возможностей.

Пока же образование, получаемое в детдоме, совершенно неудовлетворительно, так что мне трудно

что-то сказать в защиту людей (включая меня самого), которые настаивают на интенсивном обучении каждого ребенка. Провал в этой сфере — это не просто провал. Невозможно отрицать, что беспорядочное образование, полученное Колей в детдоме, произвело мягкого и способного молодого человека с багажом бесполезных знаний и почти полным отсутствием практических умений и навыков, необходимых для жизни.

Всего наилучшего! Говард

Куда они отправятся?

22 января 2010

Дорогой Миша! На днях я был свидетелем одного из важнейших моментов в жизни детского дома — момента, когда дети покидают его навсегда. Некоторые успевают пробыть в детдоме лишь несколько лет до того времени, когда в возрасте восемнадцати лет их переводят во взрослые учреждения. Но девушка Юля, при чьем отъезде я присутствовал, прожила здесь более десяти лет. Здесь был ее дом, ее школа, ее семья — ее всё.

Однажды утром ее погрузили в детдомовскую санитарную машину

и перевезли за несколько сотен километров во взрослое учреждение — дом инвалидов. Она никогда там не знала, кроме одной девочки, которую перевели туда из детдома восемь месяцев назад. У нее есть несколько родственников, живущих в полутора часах езды от детдома, но теперь она будет в четырех часах езды от них.

По своей наивности, я ожидал какой-то церемонии прощания, какой-то попытки отметить завершение этого этапа в жизни ребенка, — но ничего не было. Понятно, что в среде, где слухи распространяются с быстротой молнии, при этом опасно искажаясь, администрация предпочитает проделывать такие вещи как можно тише, чтобы не возбуждать остальных детей. В каком-то смысле их можно понять. Но в то же время это живой пример того, как эмоциональные нужды отдельной личности приносятся в жертву общему спокойствию и удобству.

Когда я спрашиваю детей, куда они отправятся или что будут делать, когда им исполнится восемнадцать, они часто затрудняются ответить. Некоторые на самом деле не понимают вопроса, так как просто не могут представить себе какую-то другую жизнь, кроме той, которую знают, другие прикидываются незаинтересованными и не отвечают, хотя ощущают важность вопроса и испытывают тревогу.

Сказать, что Юля не подозревала о готовящихся переменах, было бы неправдой. Все, включая и ее, знали, что ей восемнадцать и что идут приготовления к ее отъезду. Незадолго до отъезда ее возили в город для покупки одежды. Она вернулась с новым чемоданчиком, наполненным личными вещами, — столько собственного имущества у нее не было за всю жизнь. Однако день отъезда не назначался до последнего момента. Однажды утром в четверг ее увезли, а днем, когда я вел свои кружки, она была просто отсутствующим лицом и именем на двери, которое требовало замены. Никто не упоминал о ней. Привычные к внезапным исчезновениям, ряды детей и воспитателей сомкнулись, не оставив пустот.

Мне довелось работать с Юлей два с половиной года назад, когда я впервые приехал в детдом. Она была спокойной и погруженной в себя, без сожаления отказывалась участвовать в общих развлечениях, но любила поболтать с волонтерами, любила быть рядом, когда люди занимались чем-то интересным. При этом сама она ничем не увлекалась и ни во что не ввязывалась, хотя иногда казалось, что ей бы хотелось. Вместо этого она сидела, скрестив ноги, в коридоре, откуда ей было

видно через открытую дверь просторное пространство класса, а также весь просторный холл.

Я никогда не видел, чтобы она обижала кого-то из детей. Она знала все правила и порядки этого места и понимала, как добиться своего, ничего не нарушая. В отличие от многих других детей, которые бросаются обниматься, целоваться и моментально привязываются к новым людям, посещающим детдом, Юля была осторожна, сдержанна и не спешила кому бы то ни было доверять.

Самым замечательным в Юле была улыбка, сопровождавшая ее злокозненные проделки. У нее было своеобразное чувство юмора, жертвой которого становились многие волонтеры, включая меня самого. Улучив момент, она исподтишка атаковала ничего не подозревающего несчастного, щипала за руку или отвешивала подзатыльник и быстро ретировалась на безопасное расстояние, счастливо смеясь. Ее улыбка была неотразима, на нее было невозможно сердиться — и она это знала.

Насколько можно судить, она была не без способностей. Я вспоминаю один случай во время летних лагерей, когда, получив карандаш и тетрадь, она взяла коробку с настольной игрой *Tumbling Monkeys*, в которую играла группа, и очень точно скопировала все английские слова и буквы с обратной стороны карточек. Притом что в школу она никогда не ходила и не считалась пригодной к какому-либо обучению.

За несколько недель до отъезда она показала мне фотографии и письма, которые хранила в развалившемся на части фотоальбоме: малая и редкая попытка понять историю своей жизни. Среди фото и записочек, тщательно сохраняемых, было письмо от ее сестры, жившей в ближайшем городе в полутора часах езды. Это было слащавое и виноватое послание, попытка извиниться за все, не пообещав ничего. По словам Юли, сестра была в детдоме только раз.

Как бы то ни было, под прекрасной, заразной улыбкой Юли скрывается существо вполне и совершенно вписанное в систему. После первого потрясения, связанного с переездом, она, я уверен, легко найдет свое место во взрослом учреждении. Восемнадцать лет в детдоме наложили неизгладимый отпечаток на ее личность, снабдив ее столь необходимыми отстраненностью, пассивностью, замкнутостью в себе. Любые чувства привязанности, печали или утраты подавляются. Даже способность прощаться требует больше эмоций, чем можно себе позволить.

Пока! Говард

Перевод
Н. Коршуновой

Фото
В. Воронова

Гюстав Флобер, или Человек-перо

«Постоянно рассказывая о тех книгах, которые во что бы то ни стало надо успеть прочитать до 16-ти, мы снова хотим напомнить и о таких, которые вообще-то можно читать в любом возрасте, — но обидно лишать себя возможности познакомиться с великими или замечательными сочинениями прежде чем прозвенит последний школьный звонок. Спросите у взрослых — пожалел ли кто, что читал Мопассана, Бальзака или Дюма Лондона еще в школе? Напомню — нет книг, которые читать рано!

Владимир Набоков — один из лучших русских писателей XX века, после революции вынужденно покинувший Россию в 20 лет, — вспоминал: «Между десятью и пятнадцатью годами (то есть в возрасте тех самых читателей, к которым мы здесь и обращаемся. — М. Ч.) в Санкт-Петербурге я прочитал, наверное, больше беллетристики и поэзии — английской, русской, французской, — чем за любой такой же отрезок своей жизни. Особенно я наслаждался сочинениями Уэллса, По, Браунинга, Китса, Флопера, Верлена, Рембо, Чехова, Толстого и Александра Блока. Другим моими героями были Скарлет Пимпернел, Филеас Фогг и Шерлок Холмс».

Значит, и спустя столетие сегодняшним подросткам от десяти до пятнадцати не грех познакомиться с этими писателями. Сегодня мы выбрали из набоковского списка Флопера.

Мариэтта Чудакова

1.

«Мы сидели в классе, когда вошел директор в сопровождении “новичка”, одетого в городское платье, и классного сторожа, несущего большой пюпитр. Кто спал, проснулся, и каждый встал с таким видом, словно его отвлекли от работы.

Директор подал нам знак сесть; потом, обращаясь к классному наставнику, сказал вполголоса:

— Господин Роже, рекомендую вам нового ученика; он поступает в пятый класс. Если своими занятиями и поведением он будет того заслуживать, мы переведем его в старшее отделение, где ему и следовало бы учиться по возрасту».

Прочитав эти строки, наш юный читатель или читательница подумает, что перед нами — книга о детстве и юношестве. Постепенно все яснее вырисовывается перед нами мальчик Шарль Бовари... Он вырос в деревне, в семье отставного военного фельдшера... Правда, его детству посвящено всего несколько страниц. Но в них Флобер настолько емко сумел уложить почти всю биографию своего героя, что возникает ощущение, будто прочитал первую часть толстого романа:

«Когда ему минуло двенадцать лет, мать настояла на том, чтобы его отдали в учение (*напомню: школьное образование в ту эпоху не было обя-*

зательным, это зависело от воли родителей. — М. Ч.). Образование его было поручено местному священнику. Но уроки были так мимолетны и случайны, что не могли принести большой пользы. Они давались урывками, на ходу, второпях между крестинами и похоронами; оба поднимались вверх, в комнату юре, и усаживались; мошки и ночные бабочки кружились вокруг свечи. Было жарко, ученик засыпал; да и сам наставник, сложив на животе руки, вскоре уже храпел с открытым ртом... Впрочем, учитель был доволен свои учеником и говорил даже, что у “молодого человека” хорошая память».

Еще две страницы — и перед нами вся остальная жизнь молодого Шарля, включая женитьбу, учебу на врача и начало врачебной деятельности в городке Тосте. И вот мы начинаем осознать, что каким-то непонятным образом, мало-помалу, поначалу совсем-совсем незаметно, автор затягивает нас в водоворот этой обыденной деревенской жизни. И вот, позабыв про собственную жизнь, про свою комнату, двор и класс, мы уже начинаем проживать все мелкие события рисуемой Флобером далекой от нас и во времени, и в пространстве жизни вместе с его героями. Да так, будто это самые невероятные приключения, и самое главное — совсем уж непонятно отчего, — нам очень интересно знать, что же будет дальше.

А дальше — и не ждите, долгое время не будет никаких событий. Максимум — старик Руо ломает ногу, придет за доктором Шарлем Бовари, тот блестяще справится с задачей, а старик (кстати, возраст его во время действия романа — не более 50 лет: тогда такие люди прочно находились в разряде стариков) всю жизнь будет слать ему индейку к празднику.

Но рано или поздно события все же начнутся — ведь у старика есть дочь Эмма...

«Молодая женщина, в голубом мериновом платье с тремя оборками, встретила врача на пороге дома и ввела в кухню, где пылал веселый огонь. ...Шарля поразила белизна ее ногтей. Они были блестящими, суживающиеся к концам, глаже диетических изделий из слоновой кости, и подстрижены в форме миндаля... Прекрасны были ее глаза: карие, они казались

из-под ресниц черными, и взгляд ее был устремлен на собеседника прямо, с чистосердечной смелостью». (Для сгорающих от любопытства девочек поясню, что меринос — такая особого плетения ткань из шерсти мериносовых, тонкорунных, овец; тонкая и в то же время теплая, близкая к кашемиру.)

Постепенно мы узнаем о мечтах Эммы: «Целых полгода пятнадцатилетняя Эмма пачкала себе руки пыльным хламом старых библиотек. Позже Вальтер Скотт влюбил ее в старину, заставил мечтать о кованых ларях, караульных и менестрелях. Ей хотелось жить в старинном замке, подобно этим дамам в корсажах с длинной талией, которые под трилистниками готических окон проводили, пригоруясь, целые дни, все поджидая и высматривая, не покажется ли за дальним полем всадник с белым пером, на вороном коне».

Дальше событий — в старом, романтически-приключенческом смысле — еще меньше, если, конечно, не считать за события подробное, на протяжении пяти страниц, описание того, как привязанность Шарля к Эмме растет. И дело кончается свадьбой — на свадебном

столе «второй ярус составляла башня-торт, окруженная бойницами из цукатов, миндаля, изюма, апельсинных ломтиков; и наконец, на верхней площадке — подобии зеленого луга со скалами, озерами из варенья и лодочками из ореховой скорлупы — маленький амур качался на шоколадных качелях, столбы которых расцветали двумя бутонами живых роз».

Но чем дальше, тем больше Эмма не радуется новому своему положению — казалось бы, мечте всякой барышни, — а грустит. Все увеличивается и увеличивается разрыв между мечтами и реальностью. («Боже мой, зачем я вышла замуж?»)

А дальше вы прочтете знаменитое описание бала в Вобьесаре, куда супруги были приглашены, и что из события этого потом приключилось...

Но отвлечемся от жизни Эммы на какое-то время, чтобы представить себе, каким же был тот, кто создал ее и сказал знаменитую фразу: «Эмма Бовари — это я».

Не забудем — знаменитый роман Флопера о любви и гибели жен-

щины из-за любви (попавший в середине XIX века под уголовное преследование за свою якобы непристойность) вышел на 20 лет раньше «Анны Карениной» Толстого!

2.

Гюстав Флобер родился в 1821 году в семье врача и с ранних лет поглощал романы писателей-романтиков. Попытавшись изучать право, он окончательно понял, что его призвание на всю жизнь — это литература. И больше он от намеченного пути не отступал, писал, писал и писал, за что и получил прозвище «человек-перо». Он сам сказал: «Я — человек-перо, я существую из-за него, ради него, посредством него».

Вообще это большая редкость — молодой Флобер много писал и *ничего* не печатал. Он считал, что в его драмах, новеллах, повестях слишком просвечивает его личность, его эмоции. А он хотел писать уже совсем иначе. Был расцвет эпохи *романтизма* с его особым вниманием к личности автора. Но Флобер, как всякий большой писатель, уже предощущал конец этой эпохи и близость новой — ему суждено было стать одним из ее открывателей. Он говорил, прочитав «Хижину дяди Тома» Бичер-Стоу: «Меня все время раздражали авторские рассуждения. Разве нужны какие-нибудь рассуждения по поводу рабства? Покажите его — вот и все!»

Совершив несколько путешествий (главное из них — по Нилу), он наконец ясно понимает: то, что он писал до этого (но еще, повторю, не печатал), включая прекрасные путевые заметки, — это совсем не то, что он хотел бы писать. Точнее — не то, с чем он хотел бы навсегда остаться в литературе. Да, путешествие из Египта в Италию — это тоже многие сотни страниц. Правда, для публикации пришлось бы сократить много разных дорогих ему эпизодов, особенно эротического характера. Но главное — Флобер хотел войти в литературу совершенно с другим произведением — *«современным романом»*. Ему то он и решает посвятить, если понадобится, пять, а то и десять лет жизни: главное для него — результат.

Работа шла медленно — только написание плана будущего романа заняло шесть недель. Сюжет был взят нарочно обыденный — писатель хотел доказать, что превратит свой роман в шедевр не перипетиями сюжета, а только лишь с помощью новейших, изобретенных им самим художественных средств. В этом-то и была его новизна.

На работу над романом ушло почти семь лет — с 1851-го по 1857-й. Он пишет своей подруге Луизе Коле: «Мне бы хотелось написать книгу ни о чем, без внешних связей, ко-

торая бы держалась только внутренней силой своего стиля, как наша земля. Которая держится в воздухе сама по себе».

Повторим медленно эти слова: *держалась бы внутренней силой своего стиля...* В этом — суть литературы. Настоящий писатель заставляет нас читать не отрываясь рассказ о том, что нам стало бы скучно слушать «в жизни» на третьей минуте.

3.

Литература — совсем особый мир. Над входящим туда начинающим писателем нависают глыбами великие предшественники. Как не стать подражателем? Как внести в этот мир свое, новое, еще никем не сказанное?

Над любимым, кто дерзал стать французским романистом во второй половине XIX века, нависала громада романов Бальзака — он умер в 1850 году, прожив всего 50 лет и сумев написать знаменитую «Человеческую комедию», в которую вошло 90 произведений!.. Узнав о его смерти, Флобер написал приятелю: «Всегда печально, когда умирает человек, которым восхищался. Была надежда познакомиться с ним впоследствии и заслужить его любовь. Да, это был сильный человек, который дьявольски понял свою эпоху».

Флоберу казалось очень важным покончить с «бальзаковской» моделью романа — а заодно и с так называемым *реализмом* (который до сих пор всякий толкует на свой лад). «Правдивое» изображение жизни во всех ее натуральных подробностях казалось ему еще более фальшивым, чем романтическая буря эмоций: ведь фотография все равно будет точнее. Он противопоставляет ему свою «научную» литературу — с набором сложных, изобретенных им самим грамматических приемов. Например, с помощью нагромождения несовершенных глаголов и знаменитым «И» («Et») в начале фразы писатель добивается самых разных эффектов — от демонстрации банальности Шарля до описания монотонности жизни в провинции и описаний природы... Вот лишь один отрывок с переводом, в котором эта особая флюберовская монотонность повторяющегося «et», конечно, в значительной степени утрачена:

«Et sur le port, au milieu des camions et des barriques, et dans les rues, au coin des bornes, les bourgeois ouvraient de grands yeux йbahis devant cette chose si extraordinaire en province, une voiture a stores tendus, et qui apparaissait ainsi continuellement, plus close qu'un tombeau et ballottée comme un navire».

«А на набережной, загромаженной бочками и телегами, на всех улицах, на всех перекрестках взоры обывателей были прикованы к невиданному в провинции зрелищу —

Ежедневный развлекательно-познавательный интернет-портал «СОЛНЫШКО» приглашает на страницы своего сайта детей и любящих их взрослых!

Новое в мае 2010 года:

- викторина «Школьная страна»;
- майские фотоконкурсы детского обаяния;
- новые сценарии дня рождения и выпускных праздников;
- майские развивающие стенгазеты для детей 6–12 лет;
- бесплатные консультации детского психолога и логопеда;
- детский ежедневный астрологический прогноз на май и многое-многое другое.

Добро пожаловать на сайт www.solnet.ee!

к беспрерывно кружившей карете с опущенными шторами, непроницаемой, точно гроб, качавшейся из стороны в сторону, словно корабль на волнах».

Флобер продолжал эксперименты над стилем — появилась повесть «Простое сердце» — суховато изложенная душераздирающая по сути история пожизненного душевного одиночества женщины, всегда самоотверженно служившей другим людям.

Появляются новые повести и романы — «Саламбо», «Воспитание чувств», «Искушение святого Антония» (на каждый из них уходили годы — автор добивался совершенства), — но Флоберу все же суждено будет остаться в памяти последующих поколений читателей и писателей именно автором «Мадам Бовари».

4.

Кроме литературы, он еще вынужден был заниматься и совсем другим — например, оказался вынужден продать свою ферму в Довиле (принсипиально ему стабильный доход и позволявшую безбедно жить), чтобы спасти свою племянницу Каролину от разорения, — он воспитал ее как дочь после смерти любимой сестры. После этого он оказался без источника дохода и писал уже и для заработка...

Была и любовь — к не очень одаренной и вряд ли способной глубоко его понять поэтессе Луизе Коле. «Предоставим империи идти своим пу-

тем, — писал он ей, — закроем двери, поднимемся выше в нашу башню из слоновой кости (*мало кто помнит сегодня, что это выражение, обозначающее бегство от мирской суеты в уединение, принадлежит Флоберу*. — М.Ч.), на последнюю ступеньку, как можно ближе к небу. Там порой холодно, но правда ли? Ну и что ж, зато видишь ясное сияние звезд и не слышишь больше болванов”.

С годами, оставшись один после смерти матери и своих близких по-друг — Луизы Коле и писательницы Жорж Санд (вернувшись с ее похорон, он скажет: «Мне кажется, что я второй раз хоронил свою мать...»), — он стал все больше уединяться в своем доме в Круассе.

С большим энтузиазмом воспитывает Флобер будущего писателя, молодого Ги де Мопассана — он был одновременно сыном его подруги Луизы Пуатевен и племянником умершего друга. Молодой человек становится его настоящим учеником, которому учитель не разрешает публиковать тексты до тех пор, пока они не достигнут настоящего совершенства. В итоге Флобер достигает и этой своей цели — Мопассан становится известным после публикации «Пышки». Заметим, что рассказ вызовет такой же скандал, как в свое время «Мадам Бовари»!

При этом Мопассан писал: «Лично я не способен полюбить по-настоящему свое искусство. Я не могу помешать себе презирать мысль — настолько она слаба — и ее форму, настолько она несовершенна». Пожалуй, это сосущее чувство неудовлетворенности в бесконечном стремлении к совершенству он унаследовал от своего наставника.

Кроме романов, в архивах осталось еще более 4000 писем Флобера. Даже если бы не осталось ни романов, ни повестей — они уже сами по себе могли бы его прославить. Живой, узнаваемый стиль, обилие мыслей... Это еще и дневник его творчества, где он пишет о задачах, о новом смысле, который он придавал идее быть писателем. «Надо ли давать собственную оценку моим героям? Нет, тысячу раз нет! Я не имею на это права. Если читатель не извлекает из книги морали, которая в ней содержится, значит, читатель идиот, или книга *фальшива* с точки зрения точности. Ибо если книга правдива, то она и хороша». (Письмо к Жорж Санд от 6 февраля 1876 года.)

«Я с нежностью думаю о тех, еще не родившихся читателях, — написал он как-то, — которых будут волновать те же вещи, что и меня. Книга создает вечную семью из всего человечества... Все, кто будет жить вашими мыслями, — это дети, сидящие вместе с вами у семейного очага».

Многосерийный документальный фильм «Подстрочник» дважды собирал у телеэкранов огромную разновозрастную аудиторию, одноименная книга разошлась несколькими тиражами, не уступая модным бестселлерам. Лицо и голос Лилианны Лунгиной стали милы и дороги тысячам людей.

Нет, пожалуй, ни одного уважающего себя печатного издания, которое не удивилось бы тому, что у всех нас не отсохла тяга к добру и красоте; не расспросило бы режиссера Олега Дормана, как был задуман, сделан и каким чудом попал на центральные каналы его фильм. Но первый раз название «Подстрочник» появилось на страницах нашего журнала, в нескольких номерах публиковавшего «отрывки из будущей книги». (Готовый фильм еще ждал и не чаял дожидаться своего часа.)

Читателям и зрителям «Подстрочника» хорошо знаком Жан-Пьер, или сокращенно (по первым буквам) Жипе, Вернан, друг детства героини-рассказчицы, с которым она спустя много лет встретилась в Москве. Вернан — ученый с мировым именем, филолог, антрополог, эллинист, профес-

сор нескольких университетов, а кроме того, герой французского Сопротивления, легендарный «полковник Бертран», командир сети партизанских отрядов на юго-западе Франции. До 1969 года он состоял в Коммунистической партии Франции и вышел из нее после серьезного внутреннего кризиса. Лилианна Лунгина говорит о нем как о человеке «глубокого интеллектуального мужества, которое так трудно дается».

В начале двухтысячных, вскоре после смерти Лилианны Зиновьевны, Жан-Пьер Вернан в последний раз приезжал в Москву (он скончался в 2007 году в возрасте 93 лет), где читал лекции по истории древних цивилизаций. В эти дни он встретился с Олегом Дорманом и, по его просьбе, поделился воспоминаниями о многолетней дружбе с семьей Лунгиных. По художественным и композиционным соображениям этот материал не вошел в фильм. С любезного разрешения Олега Дормана мы публикуем запись рассказа Жана-Пьера Вернана, интересного и как взгляд с другой стороны на известные по фильму и книге события, и просто как уникальное свидетельство.

Жан-Пьер Вернан: «Я понял, что такое страх»

Мы с братом, кузеном и кузиной поехали на каникулы в Сен-Жан де Люз. Там среди отдыхающих была такая «русская колония». В основном девочки. Лидя, которая потом стала моей женой, ее сестра Гуля, их подруга Зина Минор — внучка московского профессора-невропатолога, любимая подруга всей нашей будущей жизни, а еще Ната, Лола, Элла, Лина и другие — целый букет русских девушек. А также мальчики, из которых помню Толю, Анатоля, ставшего потом историком архитектуры, и

француза, которого прозвали как бы на русский лад «Пся», он же Андре-Пьер Рике, будущий корреспондент «Монда» в Москве после войны. Это был маленький, очень пестрый мир, который меня поразил, потому что тогда я впервые обнаружил, что на обед можно есть сырые помидоры — вся эта компания ела их, как какие-нибудь яблоки; я пытался понять, что такое *razgovor* — бесконечная беседа... и был очарован всем этим. И была там девочка помладше, в тридцать втором году ей было двенадцать лет, — маленькая Лилия. Она обожала Лиду, очень прислушивалась к ней, у нас дома до сих пор хранится Лилина фотография с надписью: «Лиде, которую я любила больше всех на свете». Лилия приехала в Сен-Жан со своей мамой, которая занималась кукольным театром, давала спектакли для друзей, а отец был в то время в России, он служил во внешнеторговом ведомстве. В начале тридцать четвертого года отец попросил жену и дочь вернуться, и они покинули уютное французское гнездышко, любимых друзей, к которым Лилия была очень при-

вязана, и вернулись в Москву. С Лидой они продолжали переписываться.

Мне было двадцать лет. Я был активным молодым коммунистом и вместе с братом в составе делегации Профинтерна поехал в Советский Союз. Нас было человек двадцать. И, конечно, первым делом отправился навестить Лилю. Мы встретились, расцеловались. Она стала старше на два года, совсем не изменилась, только носила красный галстук. Помню, что она повела нас в Парк культуры, полил страшный ливень, и мы укрылись в кафе. Мы провели вместе два дня, а потом я поехал на Украину, на Кавказ и вернулся в Париж. В те дни между нами возникло какое-то душевное родство, которое со временем все крепло. Теперь мы с Лидой писали ей вместе, и Лиля обращалась к нам обоим.

Переписка продолжалась до, кажется, тридцати шестого года. А в тридцать шестом отец велел ей больше не писать нам. Лида слала письма, но ответа не было, и мы не могли понять, в чем дело, что случилось с Лилей. А случилось вот что. Для сотрудников внешнеторгового ведомства иметь в семье человека, состоящего в переписке с иностранцами, стало опасным. Позже Лиля мне рассказывала, что отец попросил ее в анкетах, в школе или где угодно, на вопрос «есть ли у вас родственники или знакомые за границей», отвечать нет. Нет, *NET*, никого не знаю. В результате в те времена, когда происходили страшные события в России, а потом и у нас, мы ничего не знали о Лиле. Она исчезла.

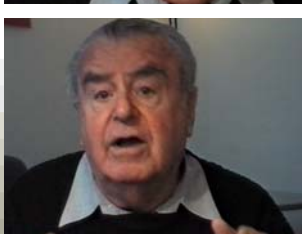
А в начале шестидесятых Зина Минор, которая к тому времени стала педиатром, вышла замуж и носила фамилию Мазье, приехала в Москву на первую французскую медицинскую выставку. Выставка имела большой успех, отношения СССР и Франции были уже потеплее, и французам хотелось продемонстрировать все лучшее, все достижения в области медицинского обслуживания и больничного ухода. Зина вела на выставке стенд, посвященный педиатрии. Посетителей было много. И когда к ней заходили ровесницы, то она спрашивала, не знают ли они женщины, чья фамилия когда-то была Маркович.

Каким-то образом через некоторое время это дошло до Лили. Но дошло в искаженном виде. Она решила, что ищет ее не Зина, а Лида. И что адрес, который оставила для нее Зина, — это парижский адрес Лиды Вернан.

Году в шестьдесят втором очень близкий друг Лунгиных Виктор Некрасов, имевший обыкновение, приезжая в Москву из Киева, останавливаться у них (и иногда основательно выпивать), прекрасный писатель, к тому же пользовавшийся привилегиями, которые давала Сталинская премия, получил разрешение поехать в Париж. Лиля сказала ему: зайди по этому адресу и спроси Лиду Вернан.

Некрасов находит дом, где живет на самом деле Зина, и спрашивает у консьержа Лиду. По счастливой случайности или по воле providения в том же доме этажом выше живет мой брат, Жак Вернан. Некрасов ни слова не знает по-французски, но он говорит: «Вернан, Вернан!» — «Ах, Вернан! Ну, так вам туда». Он поднимается к брату и говорит: «Лида, Лида». Брат кивает, приносит телефон и звонит нам. Так мы встретились с Виктором. Мы его приняли, водили по Парижу, узнали, что Лиля теперь носит фамилию Лунгина, что она замужем за драматургом, который пишет для кино и театра, и решили в том же году поехать к ней.

А как поехать? Только через «Интурист». Поехали как *intouristy*. Поселились в гостинице «Метрополь». Некрасов оставил нам строгие инструкции: ни в коем случае не звонить из отеля и никогда не назначать встреч в местах, где бывают иностранцы. Как же

быть? Моя жена идет в телефонную будку на улице, набирает номер, попадает на Лилю, и она назначает нам свидание в духе французского Сопротивления. То есть: будьте на такой-то станции метро, я спущусь по эскалатору, вы узнаете меня по ребенку, которого я буду держать на руках. Мы садимся в метро, приезжаем, ждем и наконец видим Лилю, которая спускается с Женей, с младшим Лунгиным-вторым на руках. Вот так. И наша жизнь, так сказать, возобновляется.

Мы познакомились с Симой, стали приезжать в Москву, — сначала через Интурист, то есть останавливались в гостинице, и встречались с Лунгиными. Потом тоже через Интурист, но уже оставляли багаж в гостинице и приезжали к ним. Либо я просил Юшкевича, моего друга из Академии наук, прислать нам приглашение, но вместо того чтобы жить у него, мы, естественно, поселялись у Лунгиных. Ну, и, наконец, когда стало возможно, Лунгины приглашали нас сами.

Вот так мы снова нашли друг друга и рассказали друг другу многое о прошедшем, о войне и прочем.

Лунгины любили устраивать дружеские застоли. Мы перемещались из кухни в большую комнату, где накрывался стол и собиралось много народу. И начинались разговоры, дискуссии, споры.

С тридцать второго по тридцать седьмой год я состоял во Французской коммунистической партии. В тридцать девятом, когда был подписан Пакт, много спорил и порвал со многими бывшими единомышленниками. Seriously расходился с ними и в сороковом. А потом, когда Германия напала на Россию, вся Франция, кроме коллаборационистов, следила по картам за продвижением русской армии, потому что от ее победы зависела и наша судьба.

После войны я вернулся в партию по причинам, так сказать, критическим: в основном потому, что французская компартия единственная хоть как-то принимала идею деколонизации. А после пятидесяти шестого года, после доклада Хрущева, мы с несколькими товарищами, бывшими участниками Сопротивления, никогда не покидавшими партию, ушли в оппозицию. Стали издавать журнал «Искра». Это был партийный журнал, но притом подпольный. А в пятьдесят седьмом-восьмом мы с другим организовали и возглавили журнал «Новый путь». Он продавался в киосках, но был изданием коммунистической оппозиции. Мы требовали демократизации французской компартии, требовали не поддерживать линию безусловной солидарности с Советским Союзом, требовали более жесткой позиции в вопросах деколонизации. Но я оставался членом партии. Лунгины, конечно, знали об этом. И не могли понять. Я объяснял, что, да, я коммунист, но я в оппозиции, — для них это была пустая болтовня. Для них пьеса была уже сыграна и занавес опустился. Хотя в хрущевские времена, то есть в самом начале шестидесятых, я и мои товарищи по оппозиции полагали, что дела в Советском Союзе могут измениться. После разоблачения Сталина, после правды о лагерях. Впрочем, французская компартия делала вид, что никакого доклада Хрущева не было. И когда на наших заседаниях мы поднимали этот вопрос, то получали в ответ: да не было никакого доклада, это буржуазная провокация. Абсурд, конечно. Но все равно я думал, что что-то может измениться. Поскольку французская компартия всегда была под каблуком у русских, то я полагал, что если изменится у русских, изменится и у нас. Но, раз за разом приезжая в Союз, я разговаривал с Лилей и понимал, что по существу не меняется ничего. Хотя, повторяю, сначала считал, что перемены возможны. И это был пункт нашего несогласия. Я вспоминаю людные застоли у Лунгиных. Все, буквально все меня обвиняли в том, что я до сих пор член партии. Я оборонялся, как

мог, объяснял, что можно быть коммунистом по-разному, что коммунист коммунисту рознь, что есть разные течения, есть люди более свободные... — нет. Нет, нет и нет. И вообще-то они были правы. Благодаря им я все лучше понимал, что ничего не может измениться. Я видел столько людей, пострадавших ни за что, сосланных, как Пинский, в лагеря безо всякой вины, я видел, как подавлена всякая мысль и деятельность, но притом, помимо интеллигентных людей и самиздата, которым занимался, в частности, Пинский и его друзья, не было никакой общественной силы, которая могла бы разбудить страну. И, возвращаясь во Францию, я говорил: с коммунизмом в Советском

Жан-Пьер
и Лида Верне
с друзьями
на Кавказе

Союзе покончено. Пятьсот лет не будет никакого движения. Но я ошибался: я не принял в расчет, что меняются поколения, и у каждого поколения есть собственный потенциал.

Во время наших бесед Лиля и Сима и их друзья пытались объяснить мне, что такое этот строй, этот режим. Это действительно трудно понять извне. Я пытаюсь объяснить. Что такое террор и страх, мы узнали во время фашистской оккупации. Я на каждом шагу понимал, что за мной могут следить, меня могут арестовать. Но страх перед захватчиком — ерунда по сравнению с жизнью в постоянном страхе среди собственных сограждан. Вот это я понял благодаря Лиле, Симе, Пинскому и их друзьям. Я понял, что такое страх, идущий изнутри. Вспоминаю моего хорошего знакомого Юшкевича, который не раз приезжал ко мне в Париж. Ему потребовалось пятнадцать лет, чтобы однажды, отведя меня в какой-то безлюдный парк, сказать, что вообще-то он против существующего режима. Он не мог этого сказать раньше — боялся. Боялся довериться. И я понял, что это такое — въевшийся в душу страх. Понял благодаря Лунгиным и их друзьям. И уж когда понял, то навсегда. Истории об арестах и высылках, которые я услышал, — они дорогого стоят. Помню, мы вместе путешествовали по Кавказу. Как-то раз в Ингушетии остановились в гостинице, директор которой был знакомым Лунгиных. Вообще-то западные туристы не имели права туда ездить. Чтобы нас пустили, пришлось заплатить астрономическую сумму. Были мы с Лидой, Сима с Лилей и несколько немцев из ГДР. Так вот, директор гостиницы рассказывал нам, как выслали весь ингушский народ. Этот директор гостиницы был тогда первым секретарем ЦК ингушской компартии. Его выслали первым, и потом он не мог найти свою семью. «Во время войны с фашистами, — сказал он, — я был партизаном. И чем же меня наградили? Высылкой и разлучением с семьей? Может, лучше, как говорили ваши философы восемнадцатого века, обрабатывать свой сад?»

Я никак не мог постичь: за что. За что выслали ингушей? Почему их выслали? И Лиля с Симой рас-

смеялись: «Ты все не можешь понять: для нас не вопрос, почему. Для нас вопрос, а почему бы нет? *Pochemu net?*»

И это совершенно точно. Если было бы «почему», если были бы какие-то причины, то люди бы не боялись. Если бы выслали и расстреливали по такой-то и такой-то причине. В том же году мы встретили греков — они были депортированы и вернулись в Грецию. Они говорили мне то же самое. Террор можно сравнить с гневом Господним: никогда не знаешь, куда ударит молния. Поэтому никогда не чувствуешь себя в безопасности. Никакой логики — просто Божья сила. Чтобы дать это понять моим студентам, я говорил им: когда советский человек заходит в туалет, закрывается на шпингалет и думает: «Какая пакость этот режим», — то ему становится страшно: как он мог такое подумать. Сидя в своем собственном сортире. Вот это я называю террором изнутри. И мало-помалу мне открывался его масштаб, и я бы никогда этого не понял, если бы не Лиля и Сима. Которые сами не были высланы. У них были, конечно, неприятности за то, что они подписывали письма в поддержку Синявского и Даниэля и так далее, но это была не такая уж большая беда.

И вот одна из самых показательных вещей — история с Бродским. Как раз когда мы в первый раз гостили у Лунгиных, приехала из Ленинграда, где проходил процесс Бродского, адвокат Дуся Каминская и привезла стенограмму процесса, записанную Фридой Вигдоровой. Причем записаны были не только вопросы судьи и ответы, но и реакция публики. Ленинградские власти набили зал всякими активистами с заводов и фабрик. В сущности, над Бродским издевались. Только несколько человек поддерживало его, в частности, литературовед Эткинд. Бродский делал переводы, не зная языков, — с помощью подстрочников. Ему удавалось воспроизвести на русском смысл и ритмику стихов. Бродский был приговорен как тунеядец.

И вот нам прочитали стенограмму. Этот судебный процесс был такой смесью глупости, невежества, злобы, что у меня волосы встали дыбом. Для Лиды Россия была родной страной. Это была ее Россия. Ее поэты, ее детство. Лида уехала во Францию в семь или восемь лет. Русский мир для нее был родным и дорогим. И когда она увидела эту смесь пошлости и злобы, она была потрясена. Она плакала.

Эта история не просто привела меня к внутреннему разрыву с Советским Союзом. Я стал думать о том, где же корни. Может, конечно, дело в исторических обстоятельствах, в особенностях страны, в личности Сталина. Но были же еще истоки и в самом ленинизме, в большевизме. В этой идее создать военизированный аппарат, который держал бы страну в железном корсете. Я понял, что сама эта идея ведет к чудовищным вещам. И что бы я ни думал о возможности реформировать коммунизм изнутри — это невозможно. С коммунизмом необходимо порвать. Надо сказать: нет. Марксизм бывает разным, существует миллион различных интерпретаций, но ленинизм — нет. Ленинизм — это страшное извращение марксизма. И вообще извращение рациональной свободной мысли. Я понял это благодаря Симе и Лиле. Почему? Потому что в Лиле были, на мой взгляд, одновременно огромная внутренняя сила, цельность и в то же время исключительная тонкость и способность понять другого. В ней была трезвость, но трезвость, которая не приводит к скепсису. И не приводит к безразличию. У нее были очень твердые принципы, и она прекрасно разбиралась в политике, хотя не думаю, что ее интересовала политика как таковая. Абсолютная нравственность сочеталась в Лиле с глубоким пониманием словесности, культуры. И было бы правильно

сказать, что для нее существовал безусловный приоритет культуры и нравственности над политикой. И Сима тоже был большим умницей, большим психологом, очень тонким человеком и очень талантливым. Как сказать о нем? С Лилей нас связывала большая любовь и общее детство, а Сима стал нам добрым другом, с которым всегда было весело, с которым всегда начинались веселые затеи и так далее. У него была способность, которую я высоко ценю: видеть то, чем одаривает человека жизнь. Даже в самых ужасных обстоятельствах. Все лучшее, что мир приносит нам: счастье, молодость, доброту, юмор, любовь, само существование. Они были по-настоящему счастливой парой. Они жили друг для друга и жили замечательно. В них чувствовались здоровье и жизненная сила: они так резвились, носились, плавали! Как многие русские, они обладали тем внутренним родством с природными стихиями — землей, водой, которое придает человеку стойкость. Я любил их обоих.

...Вспоминаю три истории.

Однажды Лунгины решили свозить нас в Загорск. Встречаемся и едем на вокзал. Лиля говорит: вы вдвоем останьтесь здесь, — и отправляется к кассам взять билеты. Мы стоим, болтаем. Через несколько минут Лиля возвращается вся белая и страшно взволнованная. Что случилось? Что-то невероятное. А именно? Я спросила четыре билета, а кассирша мне сказала: «Нет-нет, я не могу вам продать». — «Почему?» — «Потому что иностранцам нельзя в Загорск без пропуска». Лиля говорит ей: «Но я же не иностранка!» — «Да, но с вами двое иностранцев».

Я четыре года провел в подполье и не попался. Но здесь даже я изумился и подумал: боже, как им это удалось? Как они смогли узнать наши планы и передать инструкции даме в окошке?

Что оставалось делать? Лиля взяла билеты на разрешенную дистанцию. Мы поехали в Мураново, где когда-то жил Тютчев. До Мураново билеты ей дали. Там мы сошли, посмотрели тютчевскую усадьбу, а потом купили билеты до Загорска. У меня был не очень русский вид, и Лунгины надели на меня кепку и сунули в руки газету «Правда», в которую я уткнул нос и читал всю дорогу.

Наконец добрались и пошли гулять по монастырю. Они мне говорят: нет, все-таки видно, что ты не здешний. Это опасно. Хорошо: вы вдвоем идите впереди, а я пойду чуть поодаль. Так и сделали. Они идут впереди, я сзади. Навстречу пара. Когда она поравнялась со мной, слышу, как муж говорит жене: «Видела этих троих иностранцев?»

Может, по Лидиной одежде догадались...

...Когда мы поехали в ту ингушскую гостиницу, нам с Лидой сначала не хотели давать номер, потому что пятигорский Интурист заказал нам места в другой гостинице. Но, поскольку директор был знакомый Лунгиных, все же поселили. Потом мы все вместе, с Лилей, Симой и нашим переводчиком, очень милой женщиной, спустились в столовую и сели за столик. В зале было полно немецких туристов, много русских и мы. Мы стали звать официантку, но она сказала: «Я не могу вас обслужить, потому что для русских и для иностранцев разные официанты. И меню разные». Для иностранцев лучше. Мы говорим: «Ладно, неважно, давайте похуже». Тогда она направилась на кухню. Явно куда-то в закрома. Потом вернулась и говорит: «Нет, не могу, тут и приборы совсем не те. Я не могу вас обслужить одновременно». Мы сказали: «Или вы нас обслуживаете, или мы уходим». И нас в конце концов обслужили. Но это повторялось за каждой едой в течение двух дней. Каждый раз нас пытались разлучить и каждый раз нам приходилось скандалить, чтобы сидеть за одним столом.

...Мы с Лунгиными гостили в Грузии у писателя Отара Чиладзе. Был сентябрь, время сбора урожая. И в один прекрасный день нас повезли на виноградники пробовать молодое вино. Кроме Отара поехали еще кинорежиссер Лана Гогоберидзе и грузинский врач с дочерью, которая изучала классическую филологию и занималась древней Грецией. Ну, как вы знаете, греки бывали в Грузии — знаменитая история с Ясоном, с золотым руном, Колхида. Встречал нас человек, которому и принадлежал виноградник. То есть, формально — колхозная собственность, а на самом деле — личное владение, и были люди, работавшие там конкретно на этого человека. Мы срезали несколько гроздьев и пошли к нему домой. Большой хозяин, большой дом, типично грузинский, с длинным балконом и большими, щедро накрытыми столами. Кроме всех нас был еще один грузинский генерал милиции. Мы с Лилей сели рядом, чтобы она переводила.

Началось застолье в грузинском духе, хозяин был главой стола, давал слово то одному, то другому, выбирал тему для тоста. В какой-то момент он наполнил большой рог вином, встал и начал пить. Лиля мне объяснила: он пьет за свою покойную жену. Отпил и передал рог генералу милиции. Тот тоже встал и выпил в память бедной супруги хозяина. Рог передают по кругу, Лиля протягивает его мне, я говорю «да-да», пью. Рог возвращается к хозяину — тот снова встает, пьет и передает рог генералу милиции. Все идет по новой. Я спрашиваю Лилю, что происходит. Она говорит: ну, у него есть еще какая-то покойная тетушка. И так далее, и так далее, пока наконец я не чувствую, что основательно напился.

Трапеза приближается к концу. Хозяин снова встает, поднимает рог и говорит: «Я пью за здоровье товарища Сталина. Несгибаемого товарища Сталина». В этот момент Отар неожиданно встает, извиняется и уходит якобы в туалет. Хозяин продолжает: «Ленин умер столько-то лет тому назад (лет пятьдесят), а Сталин не умрет никогда. Выпьем за его здоровье». Все встают. Кроме меня. Я как будто прирос к стулу. Я ошеломлен. Все стоят и удивленно смотрят на сидящего гостя. Потом выпивают и садятся.

А я, поскольку уже перебрал, говорю Лиле: сейчас я объясню им, почему не встал. Лиля меня останавливает: не надо, сейчас не время. Но я все-таки поднимаюсь и начинаю, я говорю по-французски, и ей приходится переводить. Я не пью за здоровье Сталина, говорю я, во-первых, потому, что я француз. А благодаря ему как советскому правителю в мире произошли ужасные катастрофы. Во-вторых, я не пью за Сталина потому, что я коммунист, а он уничтожил всех коммунистических вождей, обезглавил партию, погубил интеллигенцию, все лучшее. В-третьих, я не буду пить за Сталина, потому что у меня друзья грузины, а Сталин уничтожил всю интеллектуальную элиту Грузии, цвет грузинской культуры. И сажусь в гробовой тишине. Малышка, которая изучает классическую филологию, тихо произносит: «Я согласна с мсье».

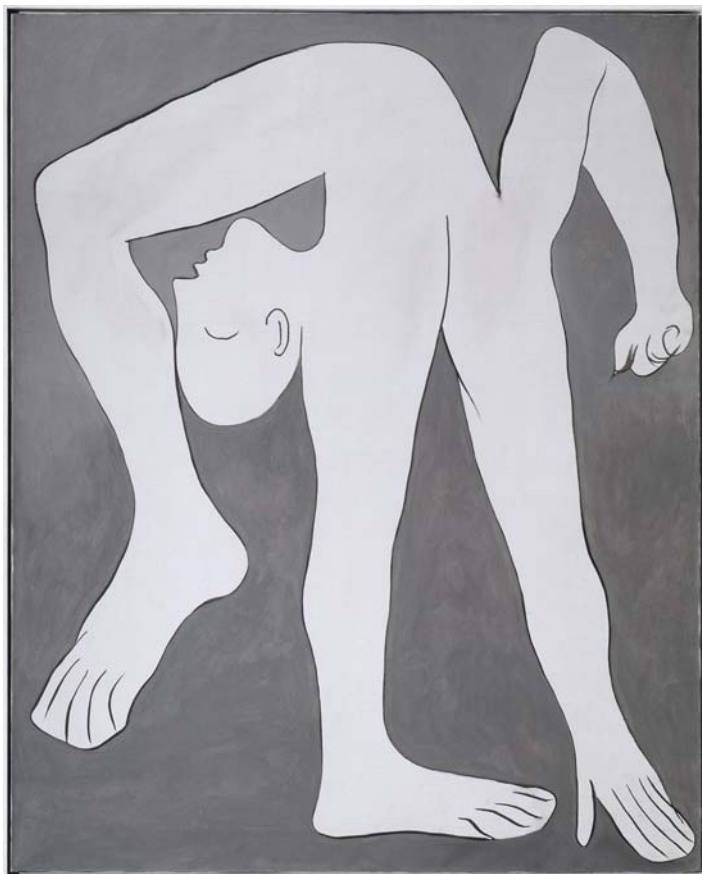
Лиля мне говорит: «Не надо было». — «Почему?» — «Ну, так не делают».

Но все-таки мы в Грузии, и застолье продолжается. А в самом конце хозяин подходит ко мне, мы обнимаемся, целуемся и расстаемся.

К тому времени Сталина уже вынесли из мавзолея и похоронили у кремлевской стены, но в Грузии на лобовом стекле каждого автобуса висело его фото, — как вешают изображения младенца Иисуса. Только тут был не младенец Иисус, а, так сказать, святой Иосиф. И при том в грузинских театрах шли весьма смелые по тем временам спектакли, в частности замечательная антисталинская постановка Шекспира...

Метаморфозы Пикассо

В Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в рамках программы «Год России во Франции и Год Франции в России» проходит выставка «Пикассо. Москва. Из собрания Национального музея Пикассо, Париж». Представлено 240 экспонатов — живопись, графика, скульптура, керамика, иллюстрированные книги. Демонстрируются документальные фильмы о Пикассо, в том числе фильм «Тайна Пикассо» Анри Жоржа Клузо, запечатлевший творческий процесс.

Акробат,
1930
Холст,
масло

Интересна история создания Национального музея Пикассо в Париже. Открылся он в 1985 году в историческом здании — памятнике архитектуры эпохи Людовика XIV, известном как «Отель Сале». Семья художника после его смерти передала наследие мастера государству — все, что хранилось в его мастерской и доме, все, с чем художник не хотел расставаться на протяжении своей жизни. Эта громадная коллекция (а также объемистый архив) разместились в старинном особняке, в интерьерах эпохи «Короля-солнца». Сошлись два века, две эстетики, два искусства. Искусство помпезное, парадное, прославляющее роскошь и чувственное наслаждение и другое, объявившее войну роскоши и комфорту, способности обольщаться красотой; войну самому представлению о красоте, традициях и морали...

Новый дом художника и после смерти обрекал его на противостояние, на дерзкий вызов...

Близкий друг и биограф Пикассо поэт Сабартес рассказывал, как однажды они стояли

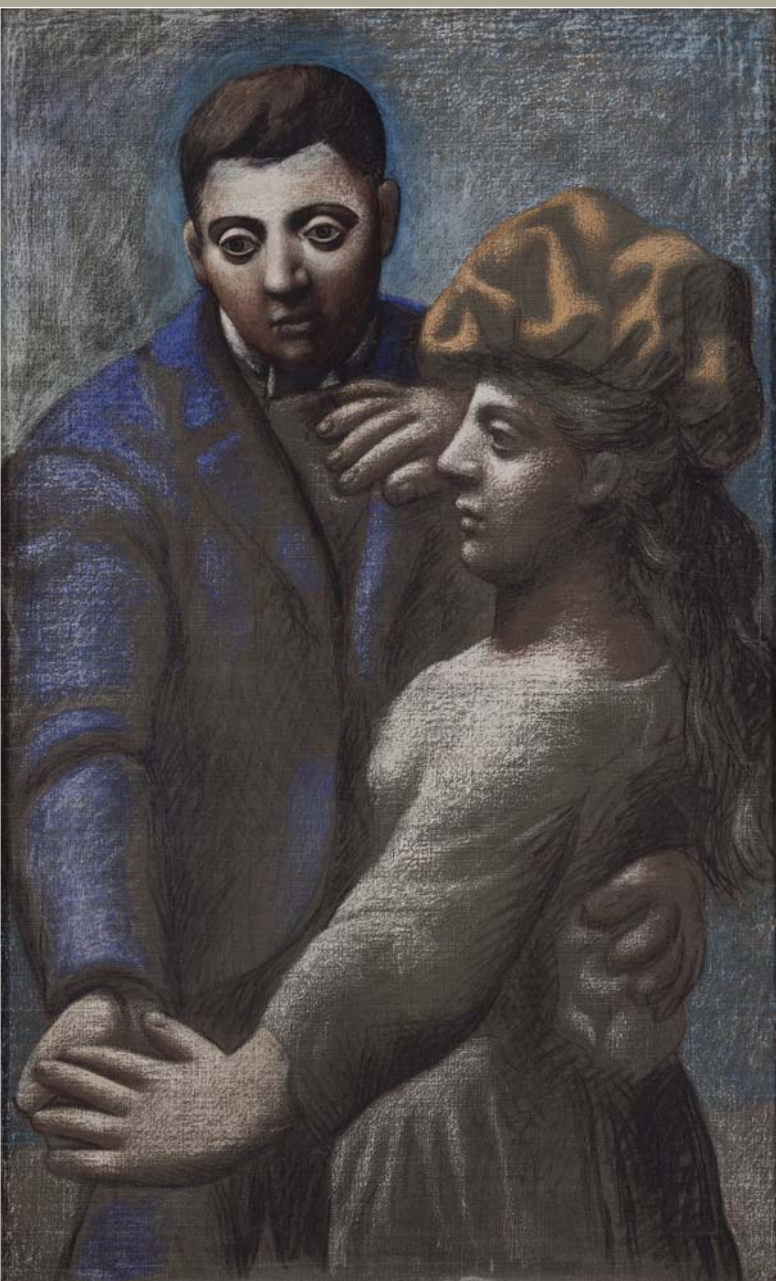

Гитара и бутылка пива «Bass»,
1913
Дерево, куски ели, частично окрашенные, коллаж, уголь, гвозди

перед витриной художественного салона, где была выставлена картина с изображением мирного пейзажа: речка, играющие на листьях деревьев солнечные блики, коровы, пасущиеся на лугу... Пикассо долго смотрел на картину, а затем сказал: «Вы не представляете, как бы мне хотелось написать это. Как приятно я мог бы провести время за этим занятием!»

Художник как будто сожалеет, что избрал другой путь. Иногда он позволял себе работать «для удовольствия». И тогда появлялись такие красивые вещи, как «Ольга в кресле», «Портрет Поля в костюме Арлекина». Но очень рано он утвердился в своем особом предназначении. Понять предназначение художника такого масштаба, как Пикассо, — задача необычайной сложности, а может быть, и неразрешимая. Но отказаться от попыток «приблизиться» тоже невозможно...

Выставка в Москве уникальна по своим масштабам. Экспозиция позволяет год за годом проследить эволюцию творчества Пикассо, начиная с его ранних опытов и кончая творениями последних лет. Каждый зал открывает какой-нибудь из

**Деревен-
ский
танец,**
1922
Холст,
пастель,
масло

периодов: «голубой», «розовый», кубистический, неоклассический, сюрреалистический...

Отдельный зал посвящен сотрудничеству Пикассо с Сергеем Дягилевым и его участию в дягилевской антрепризе. Здесь много уникальных фотографий с артистами балета, в том числе с прелестной Ольгой Хохловой, которая становится женой художника; эскизы театральных костюмов и эскизы декораций к балетам «Парад», «Треуголка», «Пульчинелла», поставленных Дягилевым.

Впервые мы увидели скульптуру мастера. Каждый раз она предназначалась для определенного места. Так, бронзовая коза стояла в саду перед домом в Каннах.

Интересны «картины-рельефы», где художник создает особое пространство, соединяя живопись и скульптуру, как в работе «Стакан, трубка, тресовый туз и игральная кость».

В старости, уже после семидесяти, Пикассо стал гончаром. Его гончарные изделия иногда замысловаты, а иногда наивны и просты.

Полнота экспозиции впечатляет — Пикассо являет нам облик века. И все же в самом пред-

**Портрет
Ольги
в кресле,**
1918
Холст,
масло

ставлении вещей чувствуется академический холодок. Все классифицировано, документировано, все перетекает одно в другое. Конечно, классификация вносит известный порядок в картину развития художника, но не раскрывает внутреннюю логику его развития. Чем объяснить его резкие повороты, метания, да и можно ли их объяснить?

В конце 60-х годов я брала интервью у Михаила Алпатова, который только что выпустил в издательстве «Искусство» книгу «Графика Пикассо». Михаил Владимирович был радостным, каким-то просветленным: не верил сам себе, что все издательские мытарства уже позади. И о Пикассо он говорил прямо-таки вдохновенно: «Рисовать для Пикассо — это живая потребность, временами она превращается в настоящий рисовальный зуд, и тогда он готов испещрять чертами любую поверхность, какая только попадается ему на глаза. С листов бумаги рисунки переползают на стены, на предметы и заполняют пространство мастерской. Каждый лист бумаги, вышедший из рук Пикассо, заключает итог его

большого творческого опыта. Самый беглый набросок несет на себе отпечаток его высокого мастерства».

Алпатов считал, что графика Пикассо является ключом к пониманию его творчества. Это его лаборатория, здесь видна обнаженность его приемов, хотя они никогда не бывают заученными, повторяющимися. Здесь виден его темперамент, его испанская натура. «Всё искусство Пикассо — это красивое зрелище, драматическое действие, захватывающее, как испанский бой быков».

Помню, сравнение с боем быков меня сразило. Но Михаил Владимирович продолжал настаивать: «Хотя как художник Пикассо принадлежал к парижской школе и неотделим от нее, но он всегда оставался испанцем и от своей испанской натуры никогда не отрекался. Он был мужественен,

Репродуцированные
работы переданы
наследниками Пикассо
с Succession Picasso, 2010
с RMN

**Обнаженная
в саду,**
1934
Холст, масло

Коза,
1950
Бронза

а иногда и жесток... Его путь был извилист, и повороты достаточно резки. Между тем каждый этап его извилистого пути был ответом художника на то, что он видел вокруг себя, и на то, что находил в современном искусстве. У него постоянная потребность преодолевать и превосходить уже достигнутое. И это придает его искусству драматический характер».

Тогда я поняла, что Алпатов, всю жизнь посвятивший себя классическому искусству, искренне увлечен Пикассо. Он его не только исследует и пытается понять как художника, Пикассо ему лично близок.

Близок неукротимой созидательной силой, которая, превращаясь в силу разрушительную, все же побеждает. Чувством свободы от традиций, которые не висят у него грузом на шее — его артистизм и чувство пластической формы природны. Природно и чувство трагического (как у испанца), с годами обостряющееся, — история являла свой страшный лик. Он ставит под сомнение настоящее, потому что нет ощущения устойчивости бытия. Призрачным стало привычное постоянство предметов. И Пикассо пытается заглянуть в будущее, создавая его язык. А иногда он жонглирует своей способностью переименования всего сущего. Гордыня его велика...

Тогда, в 60-е, встреча с Пикассо была откровением, а иногда и шоком. Мы помним яростные споры перед его картинами. С этим художником у многих складывались личные отношения. Это было явлением времени.

На нынешней московской выставке споров не слышно. Такое впечатление, что Пикассо отодвинулся в историю, как сам XX век отодвинулся от нас. Но, может быть, это только кажется...

Л. Осипова

Голоса из мёртвой деревни

Людмила Самойлова

Теперь я знаю историю про сестер старух, да и Стешу Рагулину помню. Только ушли за эти годы и Стеша, и ее соседка Клава Шарова. У Клавы весь вечер пели. Да так «гоже»:

На берегу сидит морячка,
Она шелками платье шьет,
Работа трудная такая,
Да шелку ей не достает.

Я стояла под окном и слушала сладкие деревенские романсы. Утром Клавдию нашли мертвой в гряде. Праздник оказался непосильной нагрузкой. Если загигать пальцы да считать, так пятнадцать лет получается давным-давно. Мы просыпались на рассвете под звуки рожка, удары кнута, непотребные восклицания пастуха вперемежку с восклицаниями петухов. Вначале тяжело, с протяжным мычанием мимо нас в розовом пыльном облаке проходили коровы, затем пыль пронзали голубые лучи, и в это, теперь лучистое, облако другой пастух вел коз и барашек. После недолгого затишья раздавались звонкие голоса: «За черникой идешь? А за земляничкой?» Мимо окон бабки с кузовками неслись на велосипедах в лес.

Леса наши ягодные, и речка называется Черничкой, вытекающая из огромных черничников. Теперь ягодники засыхают, потому что валят лес для пиломатериалов в городе и мебельных фабрик. Никаких договоров с работниками не заключают, поэтому травмы и болезни не оплачиваются. С одной стороны, хорошо: запил, пей, сколько вместишь, с другой — ни стажа, ни какой социальной защиты. В наших местах не понимают, что нужно объединиться и бороться за свои права. Перед реальностью, какой несправедливой она ни была бы, и старый, и малый покорно склоняют голову. Разве что наш приятель, пьяница, зайдет и выкрикнет: «Меленки — нищая столица России! А Москва — столица политических козлов!» А если становится невмоготу, уходят из наших мест в другие. У нас молодые, способные трудиться, не верят ни в коем разе Чехову: «И там, где нас нет, тоже плохо». А потому в больших городах устраиваются в охранники, мойщики машин, сантехники. Кто спивается, а кто и наживает. Остались одни старики.

В деревне здоровье меряют способностью трудиться. Больше всего труда возле кормилицы-коровы. От нее первой и избавляются. По дороге в лес мы заходим к нашим бывшим (бывшим, потому что ушедшим из жизни) друзьям. Они сидели рядышком с выражением тяжелого непоправимого проступка. «Всё, отдали нашу Зорьку. Не хотела идти. Затянули веревкой в кузов и повезли». Постепенно коров отдали все старухи. Сегодня от стада в сорок голов осталась одна корова, куры да петухи, остальную живность извели. Сил старичью едва хватает на огород.

Когда-то Славцево было большой деревней. Дорога с домами, банями, идущая от большака, называлась Кузнецы, очевидно потому, что там жили кузнецы. Затем эта дорога поворачивала мягко налево. С левой стороны в былые времена стоял большой дом — молоканская молельня. Наша деревня наполовину молоканская (по вере молокане близки к протестантам, не носят креста, не принимают

Давно это было или недавно? Если вспомнить, что пятнадцать лет назад (как раз мы купили себе избу), людей в нашей деревне было столько, что я многих не знала ни по имени, ни в лицо. К примеру, скажут: «Она живет рядом со Стешей Рагулиной». — «Да где живет Стеша?» — «Да рядом со старухами, которых обнасиловал и убил ентот озорник». У нас не назовут страшным словом, а всё либо озорник, либо мошенник. Как-то он к нам зашел. Мы привыкли к деревенскому обычаю до ночи дверь не закрывать, кому нужно, зайдет. Поэтому я не удивилась, увидев в коридоре симпатичного парня с бутылкой в брючном кармане. Только смотрю, с завалинки напротив сорвался сосед Коленька и орет моему мужу во всю мочь: «Николаич! Николаич!» Вдвоем они его и вытолкали. А пока толкались, бутылка, экая беда, выпала и разбилась. Он долго в дверь стучал: «По вашей причине бутылка разбилась». Муж сурово отрезал: «Тебя никто не звал. Разбил, теперь сам покупай. С тобой никто пить не будет». Вскоре озорник исчез (наверное, в городе что-то натворил). Больше мы его не видели.

икон, православных молитв, святых, вплоть до Богородицы, которую уважают, но святой не считают), наполовину православная. Православная церковь стояла в другом конце деревни, на Фоминках. Рядом с рекой тянулась длинная улица — Ландаши. Никто сегодня не расскажет, почему «Ландаши». Потому ли, что лес над рекой полон ландышами, и весной их запах пропитывает улицу, или по какой-то другой причине. Наш престольный праздник по наименованию церкви — Троица. Не так давно все окна на Троицу украшались березой. Столы ломились едой. Картошка с домашней свининой, томленные в мясном пюре из русской печки домашние котлеты, зельц, яичница, извлекаемая из горячего печного жерла в черепеньке, домашние соленья и обязательно арбуз, огромный, поражающий праздничной экзотичностью, и песни до самой ночи. Уставали петь за столами, выходили на улицу и шеренгами сталкивали песню с песней. Особенно любили «Варяга»: «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает». Ничего этого больше нет. Народ истаял, потихоньку ушел на кладбищенское дно. Магазины закрыли. Тихо. Лес вместе со зверьем вплотную придвинулся к деревне. Несли мы как-то с Надей, маленькой с острым горбиком старушкой из Ландашей, по два бочка черники (у нас любая трехлитровая емкость бачком называется). Тапки, прокаленные горячей песчаной дорогой, мы сняли и с удовольствием шли босиком. Белый песок шуршал, как вода, между пальцами, начисто отмывая ноги.

— Раньше-те, — вспоминает Надя, — асфальт только в городе можно было увидеть. А мы всё по песку хаживали. Ох и страшно за ягодами было ходить. Нет, зверей не боялись. Они из-за многолюдства далеко в лес уходили. Да и людей тоже. Уж за восемь десятков перевалило, а на моей памяти одно душегубство помню. На каждую Троицу приходил человек из Адино. Знаешь, лесом шесть километров. Через адинский овраг. Не скажу тебе, как его звали-те, давние дела. Только помню его новенький маленький гомонок (кошелек). И на каждую Троицу новую рубаху, фасонистую, с пуговичками на воротнике. И другие видели. Раз новый гомонок, да рубаху каждый год новую шьет, знать, богатый. Пошли за ним злые люди, а когда убили в адинском овраге, сняли пиджак, глядь, рубаха вся в заплатах, он только новые манжеты и новый воротничок пристегивал. Гомонок открыли, а там по копейке три штуки. Вышло-те, совсем напрасно загубили человека. Страшно в лес ходить было из-за председателя колхоза. Он сидит дома у окошка за занавесками и выглядывает: кто дело мыкает, а кто себе чего-него тащит. Несу я раз полное лукошко черники, бачка три небось, и верх эдак хорошо платком увязала, чтоб не увидел. А он меня к своему окошку пальцем и подманивает. Нечего делать, подхожу, дескать, и правда, вместо коровника в лес пошла. Ни разу сегодня (сего года) пирогов с черникой не ела. А ягоды уж на исходе. «Развязывай», — говорит. Делать нечего, развязываю. А теперь высыпай все на дорогу». А дорога вот как сейчас, песок чистый, аж сверкает под солнцем. «А теперь, — говорит, — топчи. И не переминайся с ноги на ногу, топчи как следует». Так я все свои ягодки вместе с песком в грязь истоптала. Всякие были председатели, и плохие, и хорошие, но этот хуже других. Из своих назначили. Уж он старался из всей мочи показать, как высоко над нами сидит.

Что за хворь одолела Надю, не знаю. Прибегали за нами. «Идите, — кричат, — у Нади спина болит». Положили мы ее в свою машину и отвезли

в больницу. Взять-то взяли. Всякие страшные слова — прокурор, суд, Москва, газеты — действовали. Только привезли ее через десять дней на скорой помощи без улучшений. Вынесли они ее из «рафика», положили на крыльцо и уехали. Добрый человек нашелся — племянница из Александрова. Она последние Надины дни согрела теплом и любовью. Одному человеку да пригодились Надя. Хоронили ее в Славцево. Молельщицы наши старались:

Когда настанет мой праздник,
Первый и последний мой пир,
Душа моя радостно взглянет
На здешний покинутый мир.
Умоют меня и причешут,
Заботливой нежной рукой
И новое платье наденут,
Как гостье на праздник большой.

У нас с мужем старенькая машина. Деревня знает: если место есть, можно бесплатно съездить в городок Меленки. А потому загодя приходят договариваться. Кто успел, тому и место. Бывает и так. Приходит, скажем, Нюра Печникова и спрашивает: «Когда поедете? В четверг? А мне нужно в среду. Вы дачники, вам все равно. Вы в среду продавать молоко не будете, а меня люди ждут».

Договориться насчет поездки зашел и Бобров-Зайцев. Ему в банке должны были дать компенсацию. Сел и разговорился. Отчасти с тайной мыслью: москвичи, может, научат, может, помогут, компенсацию за раскулачивание он получил, а вот прибавки к пенсии за то, что не был на фронте, ему не дали. Бобров-Зайцев человек выдюжливый, вся деревня смеялась, наблюдая, как он из Зайцевых опять в Бобровых возвращался. Дело в том, что, когда Бобровых стали раскулачивать, старшая его сестра из Йошкар-Олы в замужестве Зайцевой была. Увезла она Константина Ивановича и усыновила своей фамилией. Константин Иванович Зайцев избежал участи детей врагов народа, стал полноправным гражданином, членом коммунистической партии. Когда раскулачивали Бобровых, всю скотину выгнали неподалеку на площадку к магазину, и односельчане в миг все раскупили за бесценок. Родители ушли на постой в Ландаши. А Зайцев надувался потихоньку властью. А про совесть, обычную, человеческую, про которую, возможно, помнили крестьяне Бобровы, Зайцев посчитал за правило забыть. А зачем помнить. Их, когда из-под родной крыши стогнали, хоть один слезу сочувствия пролил? Напротив, обрадовались чужому, не имижитому, добру.

Костя сидит прочно на стуле и жалуется:

— Несправедливо со мной власть поступила, не записала меня во фронтовики. У них вот какие пенсии, а у меня маленькая. А все потому, что я не на фронт, а в купленные попал. Хоть и призвали меня в сорок первом году, только отправили на восток. Едем мы туда, а нам на встречу из Сибири в теплушках — поют, играют-те. Про панфиловцев слышали-те? Тоже поди навстречу нам ехали, тоже пели. Они поют, а мы им: давайте, а мы на ваши теплые местечки. Приехали они в самую мясорубку под Москву. Там их и перемололо. А нас привезли на восток и в казармах год продержали. А через год пришли покупатели и разобрали нас, кого куда. Кого в заводы, колхозы аль фабрики. А кто так в казармах и сидел. Тем, кто в казармах, засчитали фронтовые, а купленным, как и мне, не засчитали. Где справедливость? Вы знаете телевизоры, газеты, взяли бы и помогли мне. Обидно без фронтовых.

Ваське, соседу, платят, и машину вы помогли ему получить.

Я не могу не съехидничать, зная, что у Василия Федоровича все ноги посечены осколками мин, и также зная, почему смеется деревня над Константином Иванычем. Раскулаченным стали платить компенсацию. Она хоть и грошовая, а все же денежки. Да и перед партией отчитываться незачем было. Вот тут Зайцев изо всех сил и начал изворачиваться и доказывать, что он Бобров. И доказал, и получил компенсацию на шесть сестер и братьев. Вовсе копейки. Когда наказывали ни за что ни про что, всё отняли, а компенсировали по принципу, который ни одному здравому пониманию не поддается.

Мы отказываемся помогать Боброву-Зайцеву с фронтовой пенсией. Как ни крути, а не соврешь, что он воевал. После войны Зайцевым он вернулся в родное Славцево. В горьком партии не смотрели, что за человек, а смотрели документ. По партийному билету назначили Константина Иваныча председателем сельсовета. Ходить с портфелем — не работа, удовольствие.

— После войны, — рассказывает Бобров-Зайцев, — налогами обложили не счесть. Госпоставки сдавали яйцами, мясом, молоком, шерстью, яблоками. У тех, кто не сдавал, приходилось недоимки брать. Идем с уполномоченным на полдень в лес, или в поле, туда, где пастух со стадом. Бабы все тут с дойниками, кричат, мечутся. А деться некуда. Вымя, полное молока, — дои. Сердце хоть и заходится, а дойники с молоком отнимаем.

Оформ-
ление
Татьяны
Касьяновой

Отнимал Константин Иваныч не только дойники. Однажды возле нашего палисадника схватился с ним наш сосед и друг Юра. Бобров-Зайцев опять жаловался на сердце, которое заходило. Дальше пел известную песню о том, что любой отнял бы, а если и не отнять, так партбилет отнимут, а без партбилета кто тебя за человека посчитает. Юра слушал, наливаясь свекольной краской, и внезапно закричал: «А стулья у нас дома забрал. Вытаскивал из-под детей и отца-матери. Ну, пусть молоко советская власть требовала, а старые стулья на кой ей нужны были?»

Ну так вот. Сидит Бобров-Зайцев у нас дома и плетет свою историю.

— Ну да, говорится, как ни болела, а померла. Так и советская власть. Как ни чудила, а изгнила. И хоть теперь я опять Бобров, а при Сталине лучше было. У меня порядок, дисциплина была. Нет, такого баловства, как теперь, я не допускал. Теперь никому ничего не докажешь, не разберешь.

Абсурдность сосуществования рядом неприязни к советской власти и преклонения перед Сталиным можно объяснить только тем, что прививка страхом отравила душу навсегда. Обладая силой, заставляешь бояться других, забываешь о собственном страхе.

Из-за плохой связи мы выходили с мобильником на улицу. Частенько Константин Иваныч стоял неподалеку и вслушивался со строгим лицом. С кем это да о чем разговариваешь. И было ощущение, что общаешься не с другом, не с родным человеком, а с ЦРУ. И что Константин Иваныч обязательно доложит куда надо.

Осенью наш лесник воровал лес и продавал деревенским. Дом Боброва-Зайцева не минуешь, а он тут как тут. «Знаю, вижу, докажу на тебя». И приходилось леснику машину березняка сбрасывать Константину Иванычу. Он был лишен сочувствия, сострадания. Чужое горе и чужая радость оставляли его безучастным. И только до трепета боялся своей худенькой болезненной жены Маруси. Ее слово означало безоговорочный приказ. Уже вся деревня знала, что Маруся потеряла ум. Летом прополола пустую, без картошки усадьбу. Сын велел больше не сажать, на зиму обещал два мешка. Но Маруся ровными рядами уложила траву. Все ходили, смотрели и смеялись. И заставила Константина Иваныча купить в Адино козу и привести. Это когда все наши коз порезали. Старые, сил нет. И у Маруси сил нет, но жить без козы не положено. И Константин Иваныч прошел туда и обратно двенадцать километров, а козу привел. Его жалели, рассуждали, размышляли, где он силы взял. Решили, что если б не страх перед Марусей, он из Адино с козой не дошел бы.

Зимой пошел Константин Иваныч ночью вызывать скорую помощь Марусе. А на обратном пути свой дом не приметил. Фонарь перегорел, а из тени густо лепил снег. Так он, чувствуя под ногами твердую дорогу, и топал, пока не зашел на лесную вырубку. Приустал, сел на пень, тут его мороз и сморил. Летом ушла из дома Маруся. Сын неделю на машине рыскал по лесам. А нашли две деревенские, Расчка и Верочка. Они пошли за земляникой, сморят, в аккуратной ямке, вроде люльки, лежит Маруся. Один сапожок положила под щеку и спит себе вечным сном. Хорошо, муравьи да звери не обгрызли.

Постелюшка моя, не умертви меня.
Ангел-хранитель, разбуди меня.
Великомученица Варвара, причасти меня.
Как бы мне не проспать Суда Страшного.
Встать бы мне, приспособиться,
К Страшному Суду приготовиться.

Кошечев бальзам

**Нина Горланова,
Вячеслав Букур**

Есть такие мальчишки: бегают туда, сюда и не успокаиваются, пока не натолкнутся на Большое Приключение. Вот такой же был Андриюшан.

Бежит он по городу, вертит головой, а в голове одна мысль: хоть бы что-то произошло интересное!

Смотрит: киоск на курьих ножках. Это его не удивило: на что только не идут коммерсанты, чтобы продать свой товар. Как говорят родители Андриюшана: «Капиталуги любят людей, особенно их деньги».

Он подошел: дверь приоткрыта. «Это дверь в приключение!» — понял он.

Андриюшан пересчитал свои накопления: три пятирублевки и полтинник. Сквозь стекло витрины просвечивали бальзамы: Кошечев, Драконов, Бабин-Ёжкин и много еще всяких: «Веселый леший», «Доктор Кикиморин», «Радость Дуремара», «Задумчивый вампир».

Встретила его маленькая ласковая девочка с синеватым румянцем. Она сказала, улыбаясь:

— Ты хочешь быть сильным? Покупай «Кошечев бальзам».

Он взял пластиковую квадратную бутылку. На него раскрыли свои глаза буквы: «Фирма гарантирует!»

А что напечатано мелким шрифтом, Андриюшан позабыл прочитать.

Эй, Андриюшан! Что ты делаешь! Читай немедленно!

Не слышит.

Только инструкцию средними буквами усвоил: мазать два раза в день по спирали.

Пришел домой, сделал спираль по руке, мышцы по ней заходили удавом каким-то. Силища! Моща! И начал он крутить спирали по другой руке, ногам, животу. Превратился прямо в пособие по мышцам.

Вот родители с работы возвращаются, как бы их не испугать своим богатством. Нырнул в постель, закутался одеялом, одна только голова торчит — прежнего вида. Родители удивились: так рано спать? У них в семье была в ходу загадка: «Кто такой: курносый нос, к компьютеру прирос? Это наш сын».

Как всегда, в полночь родители выключили телевизор и легли спать. Андриюшан тоже хотел заснуть, но по всему телу у него начало потрескивать и похрустывать. Он скинул с себя одеяло: в темноте белел его скелет. Только голова осталась прежняя, и под ребрами ужасно что-то колотилось.

Ни за что не закричу, думал Андриюшан. Прибегут на крик родичи, увидят скелет сына и — бряк! — в кому. А «скорая» придет, и снова — бряк! — врач в ауте. Лучше долежать до утра, потом выдать себя за больного, а когда отец и мать уйдут на работу, бежать в этот киоск на курножках и попросить какой-нибудь антибальзам.

С первыми лучами солнца скелет снова стал прежним Андриюшановым телом. Пятиклассник как пятиклассник. Больше никогда не буду мазаться этой гадостью — твердо решил Андриюшан. Хорошо, что все закончилось. Но тут же все тело мучительно зачесалось. С трудом он выждал, когда родители уйдут на работу, разделся, встал перед зеркалом: не заразился ли чесоткой. А отражение ему сказала:

— Мажься скорее, братуха, не мучайся! Помнишь? Втирать по спирали.

Андриюшан почувствовал: здесь есть какая-то подозрительная бесконечность. Но так мучительно жгло и раздирало, что он начал быстро-быстро накладывать спирали по всему телу. Чесотка прошла, стало так приятно. Мышцы, как шары, опять вздулись и заиграли по всему телу. Пришлось надеть отцовскую рубашку, потому что своя жалобно затрещала. Хорошо, что еще брюки были куплены с запасом.

Он шел по улице, впереди бежала дворняжка. Андриюшан весело посвистывал, не зная, что на мышцах и скелете не заканчиваются свойства Кошечева бальзама. Он любил задавать вопросы и сейчас подумал: интересно, наверно, быть собакой? Не успел он додумать до конца, как стал четырехногим мохнатым существом внутри разноцветных столбов запахов. А сзади бежали страшные собачники с петлей и громыхали:

— Держи его! Теперь не уйдет!

Мохнатый Андриюшан в ужасе прыгнул в щель между мусоркой и забором и стал трястись: что же делать, что же делать? И родители его зарыдают и не узнают, что надо его искать в собачьем приюте...

Он взвыл и представил, как горюют отец с матерью. Так ярко представил, что собачники увидели их между забором и мусоркой. Всюду эти бомжи, подумали собачники и пробежали мимо.

Андриюшан, приняв прежний вид силача, пошел в школу. Там сначала никто не заметил его мышечных бугров, потому что обсуждали взрыв унитаза. Семиклассники бросили петарду, бедный фаянс кашлянул и развалился на куски. Охранник по кличке Лысый Шмон гонялся за ними и кричал: «Я в Афгане таких душманов не видел!»

На физре все разглядели телосложение Андриюшана, и физрук неодобрительно сказал:

— Поменьше нужно допингов глотать.

Андриюшан прыгнул на десять метров с места и поднял гимнастического коня. А все стали зевать, отворачиваться, заговорили о новом квесте... Завистники, понял он. И что, я за это должен терпеть костлявые ужастики с доставкой в кровать?

После уроков он побежал искать киоск на курножках. На этот раз маленькая девочка с синим румянцем ждала его на улице. Андриюшан подошел и громовым голосом потребовал:

— Я хочу! Немедленно прекратите все мои превращения, а то я разнесу здесь все на атомы!

Девочка была очень, очень маленькая, но она не затряслась и не испугалась, а восхитилась:

— Вот это я понимаю! Каким ты стал — настоящим решительным богатырем! А то ли еще будет!

— Еще какую-то гадость готовите? — загремел Андриюшан.

И от его голоса осыпались две цветущие сирени.

— Мы триста лет готовились, — продолжала девочка как ни в чем не бывало, и синие ямочки заиграли по бокам ее улыбки. — Никто не соглашался стать очередным Кошечем Бессмертным с тех пор, как Иван-дурак победил предыдущего лузера.

Она ласково взяла его за руку:

— Ты будешь нашим предводителем. Неисчислимые богатырские рати поднимутся из подполья. И ты их поведешь на весь мир! В наших рядах столько подземных мудрецов. Не думай, что там одни рассыпающиеся бабки-ёжки с ужасным запахом изо рта... Выйдут из пропасти такие мыслезнатцы, такие спецы — в любую голову заглянут и тебя проконсультируют: кого сразу убрать, кого подкупить, а кто и бескорыстно к нам перейдет — из одной только злобы...

— Ничего у вас не выйдет! — оборвал он ее и хотел заломить руку синего существа своими могучими руками и срочно вызвать какую-нибудь ангельскую полицию, что ли. Но какой же номер набрать?

Это подобие девочки превратилось в синеватую ртуть и просочилось между его пальцами. Живая выпуклая лужа побежала к решетке канализации. Из нее грозил Андрюшану синий кулачок. И голос:

— Ты уже наш, ты подсел. Если будешь трепыхаться, себе сделаешь хуже! Не только кожа будет чесаться, если не вотрешь бальзам, но и глаза, уши, мозг! И — здравствуйте: у папочки, у мамочки сумасшедший сынок.

Между тем он видел ее насквозь: да она завидует обыкновенной семейной жизни, как нищий тому, у кого в кармане сто рублей. Так же ясно видел себя: если не придумает, как вырваться, то в самом деле окажется во главе вонючих могучих сил.

«Да очень просто! — вдруг поразился он. — Надо этот бальзам выбросить. Вот ведь как заморочили всякие шляги синие — не мог допереть до такой простой мысли».

...Выбросил в мусорный бак. Для верности поднял раскуроченный холодильник и придавил квадратный бутылёк.

Прибежал домой, влетел в ванную — руки помыть, а бальзам торчит на полке под зеркалом, будто сто лет простоял, гадина. Ладно, выльем тебя в унитаз. И тут остановился Андрюшан: «А вдруг каждый микроб станет Кощеем, по-своему? Нечего делать, пойду сдаваться родичам».

Когда он закончил рассказывать, родители долго молчали, будто обдумывая — что делать. Андрюшан видел их насквозь: они не знали, как поступить.

— А если наручники и приковать к батарее? — хрипло спросил отец.

Андрюшан взял мельхиоровую вилку и крошил ее на мелкие кусочки, виновато улыбаясь. Мама заплакала.

Окно кухни выходило на заход солнца. Как только светило начало валиться за Каму, во все тело

Андрюшана будто вонзились мелкие синие муравьи. Он стал хватать за руки родителей, умоляя:

— Хотя чем меня вяжите, а то я сейчас намажусь! Зачем мне такие косяки! Жил себе, жил, и вот тебе: становишься Кощеем и веда хрен знает какие рати на весь мир!

Мать, промокая фартуком слезы, сказала:

— Да что же это такое? Был сын Андрей, а станет Кощей? Андрея мы любили, а Кощея? Нет, не сможем.

И тут Андрюшан почувствовал, как изнутри прошел, через грудь и голову, жаркий ток: на свете есть любовь! Отец и мать меня любят!

Он решил терпеть.

Вы спросите: а где же светлые духи, которые должны помогать нашему герою в борьбе с подпольными силами? Где волшебные пирожки и мольдильные яблочки?

Тот светлый дух, который был назначен в помощь Андрюшану, задержался, наслаждаясь мультиками, и не заметил, как сжевал и пирожок, и яблоко. Посмотрел на часы и в ужасе промчался сквозь стену, внушая себе: я успеваю, я успеваю!

В комнате Андрюшана уже такое творилось! Синяя девочка сидела на воздухе и уговаривала:

— Ну, один мазок, один мазочек сделай, и сразу никакой чесотки.

Андрюшан крутился волчком, сделал себе уже один расчес до кости. А Кощеев бальзам тут как тут: прыг ему в руки! И тут наш Андрюшан запоздало прочитал, что было написано на бутылке мелкими буквами:

«Осторожно! Предупреждаем: есть побочные действия. Того, кто применяет бальзам, не будет любить никто из людей».

Маленькая продавщица этого зелья заметила светлого духа и говорит:

— Привет! Ты все равно опоздал. Иди, мультики досматривай.

Но светлый дух не слушал ее: он ворвался в сновидения родителей. Они, просыпаясь на ходу, вбежали в комнату сына. Андрюшан сам протянул отцу пузырек и сказал:

— Надо дотерпеть только до утра.

— Ну вот, еще целоваться-лизаться будут! — захныкала застрявшая в воздухе девочка. — Что вы делаете? Неужели вы нисколько обо мне не думаете? Меня может убить ваше гадкое добро.

Светлый дух схватил ее за косичку и изо всех сил потянул к открытому окну.

— Хулиган! — закричала она. — Караул! Пожар! Падение метеорита!

Родители с изумлением смотрели, как девочка пыталась вырваться, крутилась и превратилась в какую-то смрадную сигару. Она курилась, и одно кольцо дыма запетлило Кощеев бутылёк. Плыл хриплый голос:

— Не пропадать же добру.

Затем весь дымный смрад собрался в комок, вылетел в окно и рухнул, подбитый прекрасным запахом цветущей черемухи. Ветер принес слабый голос:

— До встречи через триста лет, куклы кисельные.

— От такой слышим, — сварливо возразил Андрюшан.

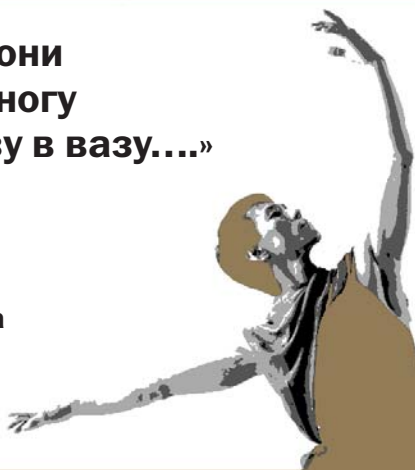
Мама уже ставила чайник, папа чистил обувь на всю семью...

«Клянусь, теперь буду меньше мультиков смотреть», — горячо сказал себе светлый дух.

Иллюстрация В. Дмитриюка и С. Шведова

«Когда они ставят ногу как розу в вазу....»

Ревекка
Фрумкина

То ли я отстала от жизни, то ли балет как искусство в России и вправду стал менее популярен, чем, скажем, тридцать лет назад, но о балете у нас прежде всего читают. Притом читают даже те, кто редко посещает балетные спектакли.

Не случайно «Книга ликований» Акима Волынского (1925), переизданная в 1992 году с комментариями В. М. Гаевского, была немедленно раскуплена, так что в 2008-м ее еще раз переиздали. А две недавние книги Гаевского — «Хореографические портреты» и «Книга расставаний» — покупали, читали, дарили друзьям даже те, для кого прогремевшая в свое время история с запретом его знаменитой книги «Дивертисмент» пребывает в уже далеком, а главное — чужом и поэтому невнятном прошлом.

Вадим Моисеевич Гаевский любим не только как балетный критик, потому что его тема — это не только свобода балетного «дыхания» и балетного полета, но свобода искусства и свобода вообще. Об этом и книга Вадима Гаевского и Павла Гершензона «Разговоры о русском балете. Комментарии к новейшей истории» (М., Новое издательство, 2010). «Наш спор — о свободе», о котором писал Шаламов, — несомненно, вечный спор...

В отличие от Гаевского, некогда окончившего ГИТИС по факультету театроведения, Павел Гершензон по образованию — архитектор. По его словам, он стал «человеком балета» именно под влиянием текстов Гаевского. Как театральный критик Гершензон стал известен в 90-х; 1996–1997-м годами и помечена первая часть диалогов.

Вторая часть бесед относится к 2005–2007-му годам. Во введении к книге эти хронологические рамки не только тщательно очерчены, но и объяснены содержательно как отражающие определенные этапы жизни русского балета. Это важно, поскольку при всей специфичности балета как искусства, где привязка к эпохе «устроена» совсем иначе, чем, например, в театре драматическом, а время как бы течет медленнее, полтора десятилетия — все же немалый срок. В диалогах глагол времен представлен преимущественно четырьмя эпохами, или четырьмя парадигмами, классического балета: это парадигмы Петипа, Дягилева, Баланчина и Форсайта (Бежар, разумеется, тоже упомянут, и не раз, но в контексте более общих проблем).

До недавнего времени Гершензон работал, как сказано в предисловии к книге, в штабе Мариинского театра. Тем самым, в отличие от Гаевского, критически оценивавшего результат, Гершензон, как можно понять из его диалогов с Гаевским, мог непосредственно влиять на процесс — во всяком случае, в Мариинском балете. Взгляд Гершензона — по преимуществу взгляд изнутри; позиции Гаевского — более общие: это и оценки критика, и впечатления страстного и рафинированного зрителя, но прежде всего — размышления умудренного опытом знатока не только истории театра, но и истории культуры в целом.

Хотя в предисловии подчеркивается, что Гаевский старше Гершензона на четверть века и более академичен, а Гершензон чуть ли не памфлетен (читай — задирист), в тексте книги эта разница, как мне видится, оказалась существенно сглаженной. От этого книга только выиграла: не потеряв искры, высекаемой столкновениями мнений, обсуждение обрело естественную напряженность, сопровождающую те разговоры, которые для собеседников имеют экзистенциальную значимость.

Среди тех, кто всерьез любит искусство балета, я склонна проводить различие между балетоманами, поклонниками и пристрастными зрителями.

Подлинные балетоманы просто не в силах пропустить очередные гастроли или премьеру — это бы их унизило. За билеты будут заплачены любые деньги, в ход идут особые способы проникновения на спектакль или репетицию и т.д. Но попробуйте задать простой вопрос — например, что именно он/она открыли в данной постановке балета «Агон», — при том, что этот балет они уже видели в двух разных вариантах. Ответом вам будет, скорее всего, вежливое презрение...

Поклонники/поклонницы — это не те, кто в любом спектакле предпочитают, допустим, Нину Ананиашвили всем другим примам. Нет, подлинные поклонники — это те, кто соприсутствует своим кумирам, даже не видя их на сцене. Лет двадцать назад один мой друг признался, что всякий раз, когда в Большом танцевал Васильев, он должен был отвезти туда корзину цветов от имени своей сестры-биохимика.

Себя я отношу к зрителям, притом в свое время я была зрителем страстным. Думаю, что сюжет моего «открытия балета» как искусства типичен для тех, кто в юности успел, например, попасть на премьеру «Ромео и Джульетты» с Улановой. Бег Улановой, о котором не раз писал Гаевский, я видела своими глазами. Однако подлинное потрясение от балета я испытала много позже, в самом конце 50-х. Тогда одна западная труппа давала балет на сцене недавно открывшегося Дворца спорта в Лужниках — увы, я не помню ни названия труппы, ни содержания балета, поскольку попала туда случайно: мама, известный в городе врач, получила по столь торжественному случаю официальный приглашение и взяла меня с собой.

Контраст между привычными оперно-балетными ассоциациями и увиденным на сцене в тот вечер я передам, воспользовавшись строками Гершензона, написавшего по другому поводу: «В спектакле, обставленном не то чтобы «лаконично» (кто не верует сейчас в лаконизм?), но так, как будто театр ограбили перед поднятием занавеса...» В отличие от привычной пышности нашего «большого балета», декорации здесь свелись к заднику в виде огромного черно-белого фотопанно. Навсегда

запомнилось, как героиня управляла воображаемой колесницей, натягивая воображаемые вожжи руками в кроваво-красных перчатках до плеч...

Стоит заметить, что к тому моменту видела я не так уж и мало: еще в школьном возрасте я успела пересмотреть по нескольку раз все балеты Мариинки, эвакуированной во время войны в город Пермь (тогда — Молотов), так что, например, застала такое чудо, как Вечеслова-Эсмеральда. И все же то, что мне открылось, было решительно не похоже ни на что, ранее виденное. И тогда я бросилась читать о «Русских сезонах», о Нижинском, Дягилеве, Баксте и т. д., тем более что начало Оттепели сопровождалось, как известно, острым интересом к Серебряному веку.

А потом Баланчин привез «Серенаду»... — и постепенно я увидела почти все, что он, а позже Джером Роббинс, показывали в Москве. Форсайта, правда, я посмотрела только в записи, зато видела многое у Бежара, так что когда Гаевский говорит, что балет Бежара — это балет гениального Хорхе Донна, — я понимаю, что он имеет в виду...

«Разговоры о русском балете» замечательны тем, что они вовсе не об одном лишь искусстве балета. Удивительным образом избежав крайностей — стилизации эссеистики под диалог, равно как и презентации диалога в его изысканно-сценической, «оскар-уайльдовской» форме, авторы подарили нам книгу непринужденных бесед, содержание которых куда шире, чем сообщается в главах.

Этот внутренний воздух книги поддержан ее скучным, но выразительным оформлением: там нет ни одной фотографии, а изысканность набора дополнена лаконичным дизайном обложки: на ней изображен — намеком — «пух Эола».

Из «разговоров» Гаевского и Гершензона становится яснее понятие имперского стиля — будь то театр или архитектура. Слова «модерн» и «постмодерн» перестают звучать как ярлыки, которые с некоторых пор наклеиваются на что попало. Многие, казалось бы, известные имена и ситуации наполняются смыслами — нередко неожиданными. Разумеется, я знала, что Любовь Дмитриевна Блок была историком балета, но для меня это обстоятельство не увязывалось ни с какой актуальностью. И напрасно: она сидела на уроках Вагановой, то есть в известном здании на улице Росси. А в кругу ее влияния учились те, кого я еще успела застать на сцене!

Вообще пространственные искусства — будь то архитектура, живопись, инсталляция или вызов, брошенный миру «Черным квадратом» Малевича, — это такие же органичные составляющие книги, как обсуждение пластики балета, и они более важны для авторов, чем технические характеристики классического танца — выворотность, исполнение первого и второго арабеска и т. д.

Особой удачей мне представляется то, что диалоги двух знатоков и профессионалов не превращаются в беседу авгуров, доступную одним лишь посвященным. На это удивительное свойство текстов Гаевского я обратила внимание еще при чтении «Дивертисмента»; в разговорах с Гершензоном подобная вятность еще более поражает, поскольку с читателем на равных говорят об архитектуре и о русском драматическом театре, о Мравинском и Шостаковиче, а также о весьма, казалось бы, специальных сюжетах из повседневной жизни Мариинки и Большого.

Нередко эти сюжеты далеко не парадны — например, горькие замечания о сверхценном от-

ношении к зарубежным гастролям, когда повседневная жизнь своего театра переживается как досадное пребывание в зале ожидания. Это и критика в адрес балетмейстеров, танцовщиков и танцовщиц, режиссерских решений и поведения руководства разных уровней. Авторы при этом всегда конкретны: сколь бы резка ни была их критика, она построена на анализе и учитывает факты — была ли у балетмейстера, художника или исполнителя возможность выбора той или иной стратегии.

В самом начале книги авторы нас предупредили, что подлинная жизнь театра протекает отнюдь не у нас на глазах. Тем труднее положение тех, кто стремился ввести нас именно в закулисы, — но не ради досужих разговоров, а ради понимания сути дела. Ведь именно здесь так велик риск любого штампа — демонизировать одних, изобразить жертвами других, неудачниками — третьих.

Я думаю, Гаевскому нелегко было писать о Васильеве — блистательном танцовщике, но неудачном хореографе и совсем уж неудачном руководителе балета Большого театра. Едва ли и Гершензону так уж приятно писать о том, что наш современный балетный театр и близко не стоит к той атмосфере высокого интеллектуального напряжения, которая была создана Баланчиным совместно с его окружением — элитой американских интеллектуалов, включая Сьюзен Зонтаг и главного редактора журнала New Yorker.

А при этом книга излучает свет:

Это только для звука пространство всегда помеха:
Глаз не посетует на недостаток эха.

Дворцы и избы, церкви и дацаны Россия глазами Уильяма Брумфилда

Наталья Мавлевич

На эту встречу я напрашивалась давно — с тех пор, как пару лет назад мне в руки попала книга из серии «Открывая Россию. Архитектурное наследие в фотографиях», кото-

Справа
вверху:
Преобра-
женский
Соло-
вецкий
монастырь. Вид
с запада

Чердынь.
Воскре-
сенский
собор.
Вид с юга

Чердынь.
Здание
казначей-
ства на
ул. Энгель-
са, 15,
главный
вход

рая в цветных панорамах, которые открывают альбом. Каждый альбом этой серии, как я убедилась потом, начинается с цветных страниц, которые создают впечатление окон, распахнутых в город.

Дальше следует черно-белая летопись. Под всеми фотографиями с точностью до дня указано время съемки. И если чердынские снимки сделаны в 1999–2000 годах, то в других альбомах есть и датированные семидесятыми. Нередко рядом помещены две фотографии одного и того же места, но с разными датами; иногда такое сопоставление радует (восстановили храм, избавили старинную колокольню от берез на крыше и снова украсили крестом и куполом), иногда огорчает (вконец разрушен деревянный дом, в руины превратился другой, каменный). А неизменная любовь во взгляде фотографа делает эти альбомы похожими на семейные, будто видишь родные лица. Да и в тексте угадывается такое детальное знание прошлого, такая, повторю, любовь и такая боль, что сомнений не остается — автор пишет о своем, родном, о страсти всей жизни. Кто же это?..

Уильям Брумфилд. Американец. Это он открывает нам нашу страну, показывает Чердынь, Каргополь, Тотьму, Читу, Соликамск, Великий Устюг, Коломну... Показывает так, словно эти края, эти названия, которые иностранцу и говорить-то трудно, знакомы ему с детства. Как же это стало возможным? Об этом я первым делом и спросила про-

фессора славистики Тулейнского университета в Новом Орлеане, зарубежного члена Российской академии архитектуры и строительных наук и почетного члена Российской академии художеств, когда он пришел к своему русскому издателю обсудить готовящийся к печати очередной альбом.

— Скажите, Уильям, как вообще возник у вас интерес к России?

— Я родился на американском Юге, в 1944 году, в не самое светлое время, когда очень остры были расовые проблемы. Более того, еще давали о себе знать страдания, пережитые моими земляками во время Гражданской войны. В юности я много читал о ней, много и болезненно об этом думал. Атмосфера дома, в семье, тоже была напряженная. Словом, я чувствовал весь трагизм жизни. Поэтому романы Толстого, Достоевского, которые я жадно читал в библиотеке, оказались мне очень близки. Вы же читали «Унесенные ветром»? Я вырос там, немного севернее города Атланта. Вопросы, кто прав и кто виноват, что такое война и мир, глубоко меня волновали. Я не сравниваю романы Митчелл и Толстого, но между ними есть точки соприкосновения. Для меня русская литература началась с этого.

рую выпускает московское издательство «Три квадрата» при поддержке американского Института Кеннана. Книга называлась «Чердынь», а на обложке — черно-белая фотография, подлинность и выразительность которой буквально приковывала взгляд. Казалось бы, любая фотография подлинна по определению (если, конечно, это не монтаж), однако есть нечто, отличающее парадные и анкетные снимки от таких вот говорящих и дышащих. Точно так же мастерский портрет отличается от туристической открытки и фотокарточки на паспорт.

Название Чердынь вызывало в памяти только страницу из жизни Осипа Мандельштама, который едва не наложил здесь на себя руки, но был милостиво переведен в Воронеж — поэту подарили еще несколько лет жизни, прежде чем замучить до смерти. Да и безотносительно к этой невеселой ассоциации в «Чердыни» слышится что-то пугающее: не то черт, не то темный чердак, не то далекая черта черной глухомани. Впрочем, и что-то древне-певучее есть в этом слове — что-то, проступаю-

Суздаль. Ворота на ул. Лебедева

Вверху:
Преображенский Соловецкий монастырь.
Двор пристенка

нить с последствиями первородного греха. Особенность как русской литературы, так и литературы американского Юга — мысль о том, что ничто не растворяется во времени и всё имеет трагические последствия. Прошлое существует, проявляется, оно должно быть осмыслено и изжито, иначе снова и снова возникают те же тяжелые проблемы.

В последнее время я заново открыл для себя Солженицына, главным образом то, что написано до эмиграции. Рассказ «Случай на станции Кочетовка», по-моему, поднимается на уровень греческой трагедии. Человек не видит, что он делает. И герой кричит в конце: «Что вы делаете? Ведь этого не исправишь!» Память о войне — это мне, южанину, тоже близко. И я всегда, везде, в каждом селе, где бывал, фотографировал памятники погибшим. Недавно был в Болдине — чудесное место! — и даже там сотни имен на обелиске.

— А как начались профессиональные занятия русской историей? И как вам удалось совместить в одном лице путешественника, историка, искусствоведа и фотографа, а точнее фотохудожника?

— Это очень долгая история. В шестидесятые годы я занимался сла-

у нас были очень хорошие преподаватели, а вот администраторы — не очень. Это был для меня первый урок: я понял, что Советский Союз не монолитная громадина-сверхдержава, и тут живут разные люди. Одна из преподавателей, Воронина, интересовалась архитектурой, составляла машинописные списки памятников и устраивала экскурсии. Из американцев в них участвовал один я, другим было неинтересно. Мы ходили по Москве, и я начал снимать своим первым фотоаппаратом, купленным для поездок, маленьким, но неплохим. Снимал просто так, без определенной цели. Через год я вернулся в СССР, на этот раз в Ленинград, работал в ЛГУ над диссертацией и с этим же аппаратом постоянно ходил по городу, снимал, в частности, Петербург Достоевского. Я влюбился в фотографию, открыл в ней неожиданные возможности. Чем дальше, тем больше увлекался, ездил по разным городам. В семидесятых годах — в то время я уже преподавал в Гарвардском университете — я начал выставлять свои работы, публиковать статьи о русской архитектуре, и, наконец, один крупный бостонский издатель сказал мне: дайте же сделаем книгу с вашими фотографиями. Эта книга, «Золото в лазу-

Она открыла для меня новое душевное пространство.

— Как интересно! А мне всегда казалось, что именно южные американские писатели, с их внутренним надломом, ближе нам.

— Когда я в семидесятых годах был в Петербурге — тогда Ленинграде — на стажировке, мне было любопытно и приятно, что на русский переводят наших писателей — Фолкнера, Теннесси Уильямса — и что здесь понимают трагическое восприятие мира, которое свойственно уроженцам побежденного Юга. Об этом много писал Фолкнер.

— А у нас на Фолкнере выросло целое поколение, которое видело в его романах отражение своего внутреннего мира.

— Для американской культуры в целом такое мировоззрение не типично. Южане чув-

ствовали, что побеждены справедливо, рабство — страшная система. Но большинство их не владели рабами, а все равно страдали. Это можно срав-

Соловки.
Секирная го-
ра. Лестница

Суздаль.
Спасо-Евфи-
миевский
монастырь.
Церковь
Покрова
Богородицы

вистикой в аспирантуре Калифорнийского университета в Беркли, изучал русскую историю и литературу, а летом семидесятого получил возможность поехать в Советский Союз по линии научного обмена.

Это было сложное время в русско-американских отношениях, вьетнамская война. Но на филфаке МГУ

ри. Тысячелетие русской архитектуры», вышла в 1983 году.

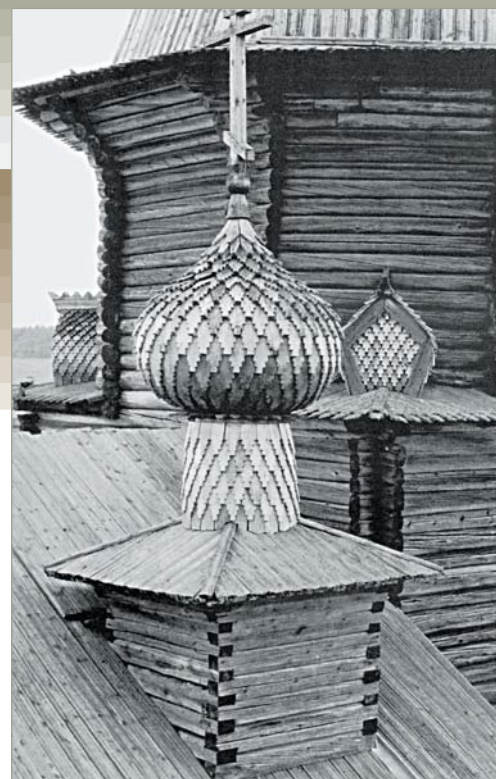
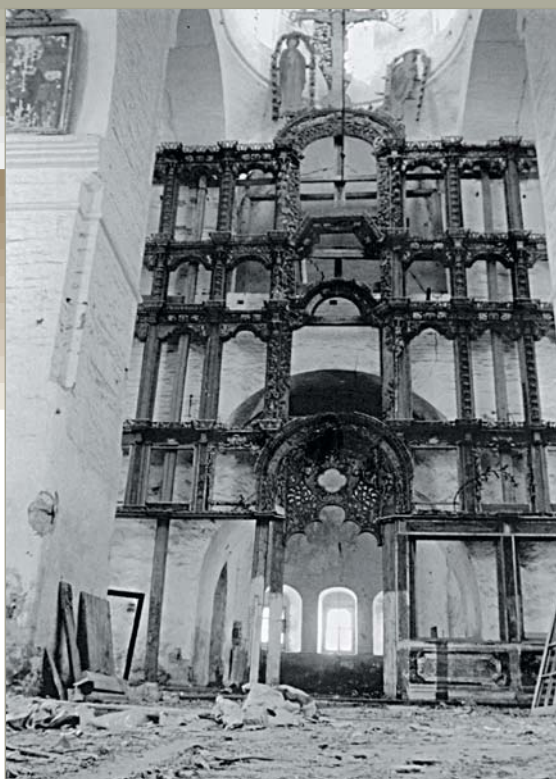
— Название заставляет вспомнить Андрея Белого.

— Конечно, это цитата. «Золото в лазури» — книга о русской архитектуре в историческом контексте. И тут все фотографии, которые я делал просто из любви, пригодились. Они пре-

вратились в ценнейший материал, особенно сделанные в Петербурге, — ведь там так все изменилось! Сейчас весь мой архив, а в нем более ста шестидесяти тысяч единиц, диапозитивов и черно-белых снимков, сканируется.

— Если я не ошибаюсь, в Америке вышло несколько ваших книг о русской архитектуре, каждая из которых — своего рода фотолетопись. Думаю, ничего подобного нет не только в США, но и у нас.

— Надо сказать, американские искусствоведы русским искусством, тем более архитектурой, не занимаются. Для них это совершенно периферийная тема. Исключение составляет конструктивизм. Конечно, такие фотообзоры помогают людям составить себе представление о стране и ее культуре. Однако, когда я всерьез занялся архитектурой, многие специалисты возмутились: «Какое вы имеете право? Вы же славист!». Мне даже пришлось уйти из Гарварда. К счастью, помимо издателей, серьезность моей работы оценили различные фонды. В 1998–1999 годах я побывал при поддержке Библиотеки Конгресса в

Каргополь.
Саунино.
Церковь
Иоанна
Златоуста
с коло-
кольной

Сибири и на Дальнем Востоке как главный фотограф и искусствовед российско-американского проекта «Встречи на границах».

— Судя по датам под снимками, у вас почти сорокалетний стаж изучения русской архитектуры. Но как вам удава-

Каргополь. Церковь Воскресения. Интерьер

Справа вверху: Каргополь. Саунино.

Церковь Иоанна Златоуста. Деталь кровли

Справа: Бурятия. Кяхта.

Гостиный Двор и таможня

Справа внизу: Бурятия. Кяхта.

Деревянный дом на ул. Серова, 6

лось ездить по нашей стране в годы, когда для иностранцев были открыты только отдельные города, вроде Владимира и Суздаля, а для дальних поездок требовалось разрешение?

— Да, были огромные сложности, отказы, которые меня бесили. Я горячился: как же вы не понимаете, чем я занимаюсь! Иногда за мной следили. Что ж, ради бога! Эти кагэбэшники повидали много хороших церквей. Для первой обзорной книги «Золото в лазури» я хотел снять памятники Ярославля и Ростова Великого — не разрешили. Но в это время я познакомился с человеком, о котором вспоминаю с восхищением и благодарностью. Это Алексей Ильич Комеч, один из крупнейших специалистов по древнерусской архитектуре, тогда заместитель директора, а потом и директор Института искусствознания. Он скончался два года назад. Он меня и спас. Мы с ним ездили, куда могли, без разрешения, и он научил меня злему русскому юмору, научил смеяться, даже когда все очень грустно и тяжело. А главное, он в меня верил, высоко ценил мои работы.

— А в Ярославль и Ростов вы в тот раз попали?

— Нет. Даже Комеч не хотел рисковать. Зато удалось побывать в Киеве и Чернигове. Тут мне фантастически

альбом», «Великий Устюг» и «Кириллов — Ферапонтово».

— Ваши путешествия по России продолжаются?

— Разумеется. У меня было очень плодотворное лето. Я еще раз

дийские дацаны — посмотрите бурятский альбом.

— Вы ведь и светской архитектурой занимаетесь?

— Конечно. Снимаю и дворцы, и избы. История архитектуры — это не

Бурятия.
Гусиное
Озеро.
Чойра-дуган.
Гусино-
озерский
(Тамчинский)
дацан

Иркутск.
Крестовоз-
движенская
церковь.
Северный
фасад.

Слева
вверху:
Иркутск.
Церковь
Спаса
Нерукотвор-
ного. Юго-
восточный
вид

только храмы, это и амбары, и дома, особенно на Севере, где еще сохранились шедевры деревянного зодчества. К сожалению, многое исчезает. И люди, в том числе столичные жители, не понимают, какие это сокровища. В одной из рецензий на мою фотовыставку в Московском музее архитектуры говорилось: кому нужны все эти деревянные храмики, французы в это время Версаль строили! И я не раз слышал подобные разговоры: все это смешно, в Вязьме дальше вокзала и ходить не стоит! А я знаю: везде, и в Чердыни, где живет пять-десять тысяч человек, и в Тотьме, и в заброшенных городках и деревеньках есть настоящие памятники. Вы лучше меня знаете, что жизнь там далека от идиллии и есть страшные проблемы. Но архитектура — память нации. Это хорошо понимают местные музейщики, иногда смешные чудачки, но именно благодаря им сохраняется эта ткань памяти, без которой не существует страны.

— Есть ли у вас какие-то особые любимые места?

— Трудно ответить. Всё такое разное... Ну, Каргополь — уникальный город. Или северные деревни... Например, удивительная деревня Вазуга в Мурманской области. Незабываемое впечатление — Енисейск. А храмы Бурятии! А Омск! Тара! Красноярск! Томск! Барнаул! Я с удивлением смотрю на все это. Для меня главный вопрос: как удержалась Россия, откуда такая сила. Я знаю много знаменитых русских проклятых вопросов, но не знаю ответов на них. Когда начинаешь об этом думать, о судьбе России, это такая загадка... Лучше не думать, а работать.

повезло. Совесть ли заговорила в апаратчике, который всегда давал мне отказы, или уж не знаю что, но он вдруг предложил мне сопровождать американского студента, ехавшего на Украину к родственникам. И я сопровождал его, а сам лихорадочно работал.

— Сколько книг уже вышло в серии «Открывая Россию»?

— Одиннадцать, готовится двенадцатая — «Торжок». Кроме того, есть книги вне серии: «Вологодский

побывал в Пскове, там мне разрешили работать внутри Мирожского монастыря XII века. Сейчас делаю книгу об Устюжине — там прекрасный строгановский храм, такие фрески! И в Петербурге делал новые съемки, например еврейского кладбища и молитвенного дома. Иногда думают, что я снимаю только православные храмы, но это не так. Меня интересуют памятники, а среди них есть и синагоги, и кирхи, и костелы, и буд-

Звучащие сказки

Ксения Иванова

В предыдущем номере читатель уже встретился с этой рубрикой — «Звучащие сказки». Цель материалов, которые будут напечатаны под этой рубрикой, состоит в том, чтобы помочь родителям детей, у которых отмечается общее недоразвитие речи, справиться с этим недостатком. (Разумеется, и обращение к специалисту-логопеду в случаях трудностей с речью ребенка, предполагается.)

Предлагаемые сказки специально приспособлены для решения важных задач, связанных с развитием речи ребенка. Они призваны совершенствовать артикуляцию, закреплять те или иные звуки речи. При этом расширяется словарный запас ребенка, обогащаются его представления об окружающем, развиваются восприятие, память, мышление. Ребенок учится пересказывать услышанное, обсуждать то, о чем говорится в сказке.

Важно попросить ребенка, чтобы он рассказал сказку по-своему. Пусть возникнут новые персонажи, изменятся место и время действия; пусть рассказ идет от первого лица. Такая творческая работа со сказкой укрепит веру ребенка в его возможности, позволит преодолеть отрицательные переживания, которые он испытывает, когда ему говорят о его речевых погрешностях.

Покатаемся!

Рыжуля очень любил наблюдать за проходившей через лес дорогой, по которой мчались машины. Конечно, он не знал, что такое дорога, и называл ее «тропа вжиков». Вжиками, как вы, наверное, догадались, и были машины. Рыжуля садился под кустом орешника и поводил мордой в разные стороны, следя за машинами: вжик-вжик-вжик-вжик... Бежать так быстро, как вжики, у него не получалось. Однажды он было попробовал: помчался во всю свою лисью прыть вдоль дороги, стараясь хотя бы не отстать от машины, но быстро устал, остановился, сел, высунув язык. «Они такие быстрые оттого, что у них круглые лапы», — подумал Рыжуля про колеса автомобилей.

В этот день он, как обычно, уселся у дороги и прислушался: вжик — мордочка вправо, вжик — мордочка влево. Вдруг какой-то громкий непривычный звук донесся издалека: «Тр-р-р-р... Тр-р-р-р... Тр-р-р-р...». Лисенок привстал, чтобы получше разглядеть, что это мчитесь по тропе вжиков, но вместо привычной машины он увидел что-то необыкновенное... Во-первых, у «Тр-р-р-р» было не четыре круглых лапы, а только две. Во-вторых, у «Тр-р-р-р» были рога! А в-третьих, и это главное, на «Тр-р-р-р» верхом кто-то сидел, держась за рога! Рыжуля решил во что бы то ни стало получше его разглядеть. Но «Тр-р-р-р» так быстро промчался мимо, что от него осталось только лесное эхо: тр-р-р-р...

«Вот бы у нас в лесу такое было, мы бы...», — и Рыжуля отправился на поиски. В листе кто-то шуршал и сопел. Лисенок сунул нос в траву — там ежонок. «Ну, это точно не «Тр-р-р-р», если на него верхом сесть, только ай-ай-ай и ой-ой-ой получится. На зайца тоже не сядешь. Его не догнать, а если догонишь, он совсем от страха голову потеряет — он и так всего боится... А что

если сесть верхом на кабанчика Хрюню? Сесть-то можно, но рогов у него нет, да и тр-р-р-р от него не дождешься, только хр-р-р-р-юк... А если медведь? Нет, лучше не пробовать, сам как «Тр-р-р-р» прочь помчишься.

Размышляя, лисенок вышел на полянку, залитую солнцем. На краю полянки — заросли орешника. Вдруг одна из веток орехового куста качнулась и наклонилась. Она была не похожа на остальные — чуть толще и без листьев. А потом лисенок даже зажмурился — ветки сами двинулись вперед. Рыжуля открыл глаза — на полянке стоял олень! Подняв голову, он осматривался вокруг. У лисенка захватило дух: «А что, если его попросить прокатить меня верхом — вон какие рога! Больше и красивее, чем у того «Тр-р-р-р». А уж как олень быстро бегают, знают все в лесу, никто не может с ним сравниться! Но как вежливо попросить его?»

Рыжуля сел так, чтобы олень его видел, потом привстал, сделал несколько шажков и опять сел, затем еще и еще. Оказавшись совсем рядом, он стал переминыться с лапки на лапку, то поднимал, то опускал мордочку.

— Что ты, малыш? Ты боишься? — раздался ласковый голос оленя.

— Олень, — начал Рыжуля, — я знаю, что вы — самый быстрый в лесу. И у вас такие рога! Не могли бы вы прокатить меня верхом?

— Ну, ты и хитрец: похвалил меня, вежливо попросил... Как тут откажешь?

Олень говорил медленно и важно, но, казалось, он посмеивается над лисенком.

— Давай прыгай мне на спину.

Рыжулю не нужно было просить дважды. Он забрался на спину оленя, и тот плавно побежал по поляне. Из кустов орешника выглянул зайчонок:

— И я, и я хочу!

— И мы, и мы! — раздался голоса бельчат.

— А я никогда в жизни, никогда в жизни не... — Из под куста показался черненький нос ежонка.

— Кататься так кататься. Садитесь, малыши! — Олень пригнулся, и на его спине оказалась целая компания.

У всех были такие счастливые мордочки, что даже солнышко улыбнулось, выглянув из-за тучки. «Жаль только, тр-р-р-р не слышно, а то все было бы по-настоящему, как на тропе вжиков», — подумал Рыжуля. И вдруг сверху, с высокой ели раздалось звонкое тр-р-р-р, тр-р-р-р. Это лесной дятел выстукивал свою песенку.

После того как ребенок послушает сказку, его можно попросить вот о чем:

- Подумай, почему лисенок называл дорогу тропой вжиков. А какое еще название можно для нее придумать? Вспомни, какие звуки мы слышим рядом с дорогой.
- Вспомни, какие звуки можно услышать в лесу. Попробуй поговорить голосом ежонка, зайчонка, кабанчика Хрюни, медведя.
- Расскажи сказку от имени оленя. Как ему представлялась вся эта история?
- Рыжуля очень вежливо попросил оленя прокатить его. Попробуй вежливо попросить своего друга о чем-нибудь.
- Подумай, кто еще в лесу мог бы прокатить малышей.
- Изобрази звуки мотоцикла и дятла. Где еще можно услышать тр-р-р-р?

Сколько лет «Пионерке»?

«Пионерской правде» исполнилось 85 лет! Возраст солидный. Но познакомишься с «Пионеркой» поближе — поймешь, что на самом деле лет ей ровно столько, сколько ее читателей. Сегодняшняя газета первооткрывателей (ведь она «Пионерская»!) — это дружная компания нескольких приложений и многих рубрик. «Юная Москва», «Олимпиада», «Привет, мальчишки и девчонки», «Светлячок», «Ася и Клава», «Гостиная кота Леопольда»... Приглашаем вас навестить их.

Сон — лучший источник знаний

Ни один день не обходится без какого-нибудь забавного случая на уроке! Об одном таком случае мне рассказала подруга из параллельного класса. А было это так.

В девятом классе шел урок русского языка. Отрабатывалась тема «Виды сказуемых». Ученики вяло записывали что-то под тихую диктовку учителя. На последних партах почти все спали. В том числе и моя подруга Саша. Спала она довольно крепко, только изредка просыпалась, реагируя на громкие звуки.

Вскоре диктовка закончилась, и учитель, обратившись к классу, сказал:

— Приведите мне теперь пример составного глагольного сказуемого. Ну? Кто сможет?

Некоторые пытались привести примеры, но все они были неверными.

И вдруг раздался громкий недовольный голос:

— Я хочу спать!

— Молодец, Саша! Ставлю тебе пятерку! — радостно воскликнул учитель. — Саша привела правильный пример. Действительно, «хочу спать» является составным глагольным сказуемым!

Класс с удивлением обернулся к Саше и, увидев, что она продолжает мирно спать, засмеялся. Саша проснулась и недоуменно смотрела на одноклассников. Тогда ей и рассказали, как спросонья она получила пятерку.

Злата Нагдалиева,
десятиклассница

Стадион «Улыбка»

Какие спортивные страсти разыгрываются на футбольных и хоккейных полях, на беговых дорожках! Приглашаем вас на стадион «Улыбка», где случается и такое...

Лыжники бежали, отталкиваясь задними ногами.

Гол! Вратарь стоял, грустно опустив голову в ноги.

Я так и не понял, какой частью тела он ударил по мячу.

Сначала соперник держал меня за ногу, потом ему понравилось так держать, и он схватил меня за бутсу.

Вот кто мне по душе

У меня дома живут два джунгарика. Так называют породу карликовых хомячков. Они меньше обычных и отличаются по окрасу: на спине широкая полоска, обычно серого цвета.

Не понимаю людей, которые говорят, что хомяки ничего не чувствуют. Утверждаю, что они могут чувствовать и радость, и тревогу своего хозяина, откликаются на его заботу и любовь. Вот пример из жизни хомяка моей подруги. Когда она подходит к клетке, зверек начинает весело пищать и рваться к хозяйке.

Чем же хомяки хуже собак или кошек? По-моему, ничем, в них одни плюсы. Много места не занимают, выгуливать их не надо. Хомячки и вообще грызуны — очень удобные животные, проблем по уходу с ними немного. Но любви и внимания они заслуживают не меньше, чем более крупные животные.

Хомяки живут недолго. Но я считаю, что животное в дом надо брать по душе, а не по времени его жизни. Сама я всегда буду держать хомячков, потому что они очень милые и смешные.

Люблю я понаблюдать за своими занятыми джунгариками. Вечно они таскают подстилку в свой домик и укладывают ее, набирают корм в защечные мешочки и относят его в свою кладовую — делают запасы. Много у них дел! И только когда всё переделают, могут побегать в колесе и погрызть что-нибудь (например, лесенку на второй этаж своего дома или решетку клетки). Когда я сажусь делать уроки, иногда выпускаю

хомячка на стол с учебниками и тетрадками. Так зверек то в закрытую книгу пытается пролезть, то прямо на страницу тетради выползает и мешает мне писать — хочет обратить на себя внимание...

Нет, грызуны все-таки самые хорошие животные!

Кристина Богданова

А где мой пельмень?

Я и мои подруги после школы ходим во Дворец детского (юношеского) творчества на Воробьевых горах, в кружок «Кулинария и культура быта». Нам очень там нравится.

Мы записываем рецепты, готовим и в конце концов дегустируем блюда. Но редко когда все у нас проходит четко, по плану. Всегда бывают разные моменты.

А вот один из них. Мы готовим пельмени. Ну кто их не любит! Все бегут на кухню — следят за тестом. Каждый хочет научиться управляться с этим коlobком. А после замеса теста начинается самое интересное. Теперь все пытаются слепить свой пельмень самым лучшим. Каждый с помощью стакана делает свой кружочек, а затем кладет в его центр мясо. Аккуратно заклеиваем, и все мы складываем свои произведения в кастрюлю.

Долго мы ждали, когда пельмени приготовятся. Всё ходили по кругу, пытались о чем-нибудь поговорить, но уж очень хотели мы попробовать свое творение.

А вот и долгожданный момент: они готовы! Все бегут к печке — а пельмени одинаковые! Никто не может понять, где чей. Кто-то вдруг сказал: «Эх, зря старались!» Но ведь каждый вкладывал в приготовление свой труд и умение, поэтому все пельмени получились вкусными!

Анастасия Федотова, 12 лет

Под действовало!

Раньше так бывало. Сидишь в классе на уроке, жуешь жвачку и думаешь: «Может, ее под парту прикрепить?» Но вот как-то раз перед каникулами нас попросили сделать генеральную уборку: вымыть стены, пол помыть и... да-да, отодрать жвачку от парт и стульев. Потратили мы всем классом на уборку несколько часов. После этого у меня выработался стойкий иммунитет на приклеивание жвачек куда-либо. Да и жевать их что-то уже не хочется...

Настя Кузнецова, 12 лет

Привет, луняк!

Однажды я подумал: а как бы стало приветствовать друг друга два инопланетянина, если бы они встретились в космосе? Они же не могут сказать: «Здравствуй, земляк!» Какие же они «земляки», если вовсе не с Земли родом?

Или вот еще вопрос: как на Венере называется наше землетрясение? Наверное, как-то по-другому. Это ведь другая планета!

Данила Чиков, второклассник

Летняя еда: закуски, салаты, супы

Салат из свежих овощей «Майский»

Половина кочана молодой капусты, 2 помидора, 2 огурца, укроп, петрушка, оливковое масло, уксус, сахар, соль, черный молотый перец.

Капусту вымыть, нашинковать. Помидор нарезать небольшими кусочками. Огурец очистить от кожуры и нарезать длинной соломкой. Зелень укропа и петрушки измельчить. Приготовить заправку для салата: смешать уксус, оливковое масло, черный молотый перец, соль, сахар.

Салат подавать на тарелке, перед подачей полить заправкой.

Свекольная ботва с орехами

1 кг свекольной ботвы, 125 г грецких орехов, 3 головки репчатого лука, 4 дольки чеснока, 10 веточек зелени кинзы, по 3–4 веточки петрушки и укропа, 1 столовая ложка аджики, соль и уксус по вкусу.

Свекольную ботву промыть, положить в кастрюлю, залить подсоленной водой и варить на слабом огне до готовности. Сваренную ботву отбросить на дуршлаг, остудить, отжать и, поместив в глубокую миску, приправить ореховой массой, аджикой, солью, уксусом (или гранатовым соком), нашинкованным луком и зеленью. Готовое кушанье положить на тарелку, полить ореховым маслом, украсить кольцами лука.

Салат из щавеля с морковью

150 г щавеля, 2 моркови, 1 яблоко, половина луковицы, 1 соленый огурец, треть стакана растительного масла, укроп, редис.

Листья щавеля вымыть и мелко порубить. Морковь, яблоко и лук натереть на мелкой терке. Затем все перемешать и добавить нарезанный соломкой соленый огурец. Салат заправить растительным маслом, еще раз перемешать, выложить в салатницу и украсить кружочками редиса и укропом.

Холодный летний суп на кефире

1 л кефира, 3 свежих огурца среднего размера, 1 пучок редиса, 1 пучок зелени укропа, 3 яйца, зеленый лук, 200 г отварного мяса, 3 картофелины, 1 чайная ложка горчицы, соль, сахар по вкусу.

Зелень укропа измельчить, добавить немного соли, сахара и размять ложкой. Порезать зеленый лук. Огурцы и редис порезать кружочками или кубиками. Яйца отварить вкрутую, остудить, очистить и мелко порубить. Картофель отварить в мундире, остудить, порезать кубиками. Мясо порезать небольшими кубиками или соломкой. Соединить все ингредиенты, заправить кефиром, добавить ложечку горчицы.

Ботвинья

Щавель и шпинат отдельно перебрать, промыть и порознь припустить в небольшом количестве воды, протереть сквозь сито и соединить. Смесь разбавить квасом, приправить солью, сахаром, цедрой и соком лимона, поставить на холод.

Подавать ботвинью к столу, разлив по тарелкам, заправив мелко нарезанным укропом и петрушкой, свежими огурцами, хреном по вкусу. В каждую тарелку можно положить кусочки отварной или копченой рыбы.

Гаспаччо

5 штук редиса, 500 г помидоров, 1 крупный сладкий перец, 2 огурца, 2 стебля сельдерея, 2 зубчика чеснока, 2 столовые ложки нарубленной зелени, 3 стебля молодого лука, 8 столовых ложек оливкового масла, 4 столовые ложки винного уксуса, 1 л холодной воды, соль и черный перец.

Измельчить в блендере помидоры. Перец, редис и свежий огурец нарезать мелкими кубиками. Стебель сельдерея и лук покрошить, отдельно измельчить чеснок и зелень. Взбить уксус с оливковым маслом.

Всё соединить, посолить, поперчить и хорошо перемешать; поставить в холодильник на 3 часа. Подавать с чесночными гренками и зеленью.

Холодный луковый суп с петрушкой

Соль и молотый перец, 2 лука-порея (только мелко порезанная белая часть), 2 крупные картофелины, очищенные и мелко порезанные, 50 г петрушки без стеблей, 2 лавровых листа, 140 мл сливок.

Довести до кипения 750 мл воды, посолить и добавить лук, картофель, лавровый лист, половину петрушки. Довести до кипения и варить около 30 минут. Затем взбить в блендере до однородной массы, и дать остыть. Добавить оставшуюся петрушку и сливки, снова взбить.

Поставить суп в холодильник на 30 минут, затем приправить по вкусу. Подавать со сливками или со сметаной, посыпав петрушкой.

Холодный щавелевый суп

Щавель свежий (1 полиэтиленовый пакет), 1,5 л воды, 3 свежих огурца, 5 яиц, по половине пучка зелени укропа и петрушки, зеленый лук по вкусу, 250 мл сметаны, соль, сахар.

Щавель перебрать, промыть, удалить ножки и нарезать соломкой. Яйца отварить вкрутую, остудить, мелко порезать. Довести до кипения воду, вложить измельченный щавель, поварить 5 минут, снять с огня и охладить. В щавелевый бульон положить сметану, тщательно перемешать. Огурцы нарезать тонкой соломкой. Зелень измельчить. Зеленый лук нарезать тонкими кольцами. Соединить все ингредиенты, добавить в суп немного соли и сахара.

Овощи на мангале

По 3 баклажана, сладких перца и помидора, 2 луковицы, 2 пучка кинзы, соль, перец и чеснок — по вкусу.

Все овощи вымыть и выложить на решетку мангала, когда еще горит сильный открытый огонь; дать им хорошенько «провариться». Кожица на овощах будет обугливаться, а мякоть развариваться. Пока овощи на мангале, мелко нарубить лук и кинзу. Снять овощи с решетки и обдать холодной водой, снять обуглившуюся кожицу. Овощи размять вилкой или очень мелко порубить ножом, посолить и поперчить по вкусу, добавить лук, кинзу и чеснок.

И все гоняются друг за другом!

Всё теплее на улице, всё сильнее тянет ребят из дома. Игр во дворе столько, что всех не переиграешь...

Ляпка

Одному из играющих по жребию приходится быть водящим. Он бежит за другими участниками игры и старается кого-нибудь поймать и осалить, приговаривая: «На тебе ляпку, отдай ее другому!» Осаленный становится новым водящим, теперь он должен кому-нибудь передать ляпку. Когда-то на Смоленщине играли так: водящий спрашивает у пойманного: «У кого был?» — «У тетки». — «Что ел?» — «Клѣцки».- «Кому отдал?» Пойманный называет по имени одного из играющих, и тот становится водящим.

Одного и того же играющего преследовать нельзя. В Москве (а может быть, и в других местах) тот, который устал от преследования, мог остановиться и защититься словами: «За одним не гонка, человек не пяти-тонка!»

Коршун и наседка

Все становятся в затылок друг за другом; стоящие сзади обхватывают за пояс впереди стоящих. Образуется цепь, которая может двигаться и извиваться. Первый в цепи — «наседка», остальные — «цыплята».

Но есть еще и «коршун», он старается схватить «цыпленка», стоящего последним в цепи. «Наседка» же мешает этому, преграждая злодею путь разведенными в сторону руками. Да и «цыплята» помогают «наседке», перемещаясь по площадке так, чтобы конец цепи оказывался как можно дальше от «коршуна».

Если «коршуну» удастся все-таки схватить «цыпленка», игра останавливается. Выбирают новых «коршуна» и «наседку». Если «коршуну» не удастся добиться своего долго, его заменяют другим.

Кенгуру

Для этой игры нужно запастись несколькими — по числу участников игры — небольшими мячами, которые можно было бы зажать между коленями. На площадке отмечают ли-

нию старта и дальнюю линию. Между ними в два ряда (их может быть и больше, если позволяет ширина площадки) по прямой расставляют кегли на расстоянии пяти-шести шагов одна от другой (кегли можно заменить городками или просто деревянными брусками). Играющие с зажатыми между коленями мячами прыгают (как кенгуру!) наперегонки к дальней линии, оглядая кегли то слева, то справа. А затем возвращаются к линии старта. Если кто-то упустит мяч и тот укатится, придется подобрать его и продолжить прыжки с того места, на котором случилась неудача. А время-то идет! Победителя в состязании выявить легко.

Если желающих поиграть много, можно устроить командную эстафету. Первые номера команд, попрыгав туда и обратно, передают мячи вторым номерам. И так далее.

Где мяч?

Отойди от лежащего на земле мяча на пять-шесть шагов, внимательно осмотри. Теперь пусть тебе завяжут тебе глаза и помогут несколько раз обернуться вокруг себя на одном месте. Осталось подойти к мячу и ударить по нему ногой. Не так-то это просто. Думаешь, что попал по мячу, а на самом деле удар пришелся в пустоту...

Тянем-потянем

На земле начерчены два больших концентрических круга. Во внутреннем располагаются играющие одной команды, во внешнем — другой. Надо по одному перетянуть соперников в свой круг. Выигрывает команда, которой это удалось лучше. Нельзя тянуть вдвоем одного.

Краски

Выбирают хозяина и двух покупателей. Остальные игроки — краски. Каждый из них решает, какого он цвета и тихо сообщает об этом его хозяину. Когда все выберут себе цвет, хозяину зовет одного из покупателей.

Покупатель стучит: «Тук, тук!» — «Кто там?» — «Покупатель». — «Зачем пришел?» — «За краской». — «За какой?» — «За голубой».

Если голубой краски нет, хозяин говорит: «Иди по голубой дорожке,

найди голубые сапожки, поноси да назад принеси!» Если же покупатель угадал цвет, то он забирает себе игрока, назвавшего себя этим цветом.

Приходит второй покупатель, разговор с хозяином повторяется. Так все подходят по очереди. Выигрывает покупатель, который собрал больше красок. Он теперь становится хозяином, игра начинается снова.

Малечина-калечина

Выбирают ведущего. Каждый играющий берет в руки палочку длиной 20–30 сантиметров. Звучат такие слова: «Малечина-калечина, сколько часов осталось до вечера?» После слова «до вечера» играющие ставят палочку на ладонь или на палец. Ведущий считает: «Раз, два... десять... двадцать...»

Выигрывает тот, кто дольше смог удержать палочку. Ведущий может давать играющим разные задания: удерживая палку, надо ходить, приседать, поворачиваться вокруг себя. Стоять надо подальше друг от друга, чтобы удобнее было держать равновесие.

Задание можно усложнить, удерживая одновременно две палочки на ладонях или пальцах обеих рук.

Шлёпанки

Играющие встают в круг лицом к центру на расстоянии одного шага один от другого. Игра начинается с выбора водящего. Он выходит в центр круга. Называет по имени одного из играющих и бросает мяч на землю так, чтобы он отскочил в его сторону. Тот, чье имя названо, ловит его и, стоя на одном месте, начинает шлепать по нему ладонью. Число шлепков устанавливается по договоренности, но не более пяти. После этого мяч возвращается водящему, и игра продолжается, пока кто-нибудь из играющих не уронит мяч. Тогда игра начинается снова, а тот, кто уронил мяч, встает на место водящего.

Медведь вылезает из берлоги

Играющие располагаются в углу площадки — здесь у них дом. А медведь, выбранный жеребьевкой, живет в лесу — в другом углу. Дети отправляются в лес за грибами-ягодами, напевая: «У медведя во бору грибы-ягоды беру! Медведь постыл на печи застыл!»

Как только произнесены последние слова, медведь, дремлющий в своей берлоге, неохотно выходит из нее. Но вот он вдруг совсем просыпается, бросается за играющими, стараясь кого-нибудь поймать. Дети пытаются укрыться в своем доме, продолжая напевать свою дразнилку. А тот, кого поймали, сам становится медведем.

панорама

Непалец Хагендра Тхапа Магар отправился со своим отцом в Италию, чтобы подать официальную за-

ское общество. И такое открытие, добавляет он, если бы оно произошло, стало бы грандиозной вехой в истории человечества: оно было бы способно изменить наши представле-

дет одним из великих открытий века, — говорит лорд Рис. — Я подозреваю, что там, в космосе, могут быть жизнь и разум в таких формах, которые мы не в состоянии предста-

явку в Книгу рекордов Гиннеса: его рост — 56 сантиметров, и он претендует на то, чтобы считаться самым маленьким человеком на Земле.

Впервые семья Магар заявила о своих правах на рекорд, когда Хагендре было 14 лет. Ходить он начал лишь в 8 лет, в 11 лет перестал расти. Однако тогда заявка была отклонена по причине того, что мальчик еще мог подрасти. И вот теперь ему исполнилось 18 лет.

До сих пор самым маленьким человеком считался только что умерший китаец Хэ Пин Пин, рост которого составлял 73 сантиметра. Абсолютный же рекорд принадлежал Гулу Мохаммеду из Индии, чей рост был 57 сантиметров — все-таки на сантиметр больше, чем у Хагендры.

Сегодня вероятность обнаружения жизни на других планетах выше, чем когда бы то ни было, убежден британский астроном лорд Рис, возглавляющий Лондонское Королев-

ствия о нас самих и о нашем месте в космосе.

Вот уже полвека ученые надеются обнаружить радиосигналы, посланные разумными существами, но все, что им удалось услышать до сих пор, — лишь разряды статического электричества.

И все же, считает лорд Рис, сейчас шансы куда выше, чем раньше: «Технологии продвинулись настолько, что мы впервые можем тешить реалистичную надежду обнаружить обращающиеся вокруг других звезд планеты размером не больше Земли. Мы сможем понять, есть ли на них континенты и океаны, понять, какого типа у них атмосфера. И хотя мы еще не скоро сумеем узнать, есть ли на них хоть какая-то жизнь, все равно это потрясающий прогресс — возможность получить изображение другой планеты».

Вывод в космос орбитальных телескопов, способных засекать на большом удалении небесные тела размером с Землю, сделали эту возможность реальной. «Если нам удастся где бы то ни было обнаружить жизнь, пусть простейшую, — это бу-

дуть. И, разумеется, могут существовать формы разума, обгоняющие человека, — настолько, насколько мы обгоняем шимпанзе».

От Антарктиды откололся айсберг, который по площади в два с половиной раза больше Москвы и равен герцогству Люксембург. Некоторые ученые утверждают, что это событие способно вызвать в ближайшие годы более холодные зимы в Европе.

«Часть себя» потерял ледник Мерц, который примыкал к побережью Антарктиды словно полуостров, а на карте выглядел как коса льда протяженностью 160 километров. В силу различных естественных процессов часть ледника стала постепенно откалываться от своей основы. «Лед был почти сломан, словно шатающийся зуб во рту у человека», — провел наглядное сравнение французский гляциолог Бенуа Легреси.

панорама

В начале февраля 2010 года зуб выпал, точнее — был выдернут. Роль дантиста в данном случае сыграл другой ледник, который еще в 1987 году откололся от материка и

натать только с течением времени, да и то велика вероятность, что те или иные климатические изменения не удастся напрямую связать с антарктическим айсбергом. Достаточно

численность этих зверей в природе к 2022 году — следующему Году Тигра по китайскому календарю.

В настоящее время популяция тигров в мире сократилась до трех с

дрейфовал вблизи его побережья. Теперь он нанес удар по леднику Мерц, и «расшатанная» часть отправилась в свободное плавание в сторону Австралии.

С одной стороны, по сравнению с площадью Мирового океана эта ледышка, конечно, капля в море. Но, с другой стороны, махина столь большого объема и определенной температуры оказывает влияние на циркуляцию воды в океане. Отколовшаяся глыба находится в той области океана, где образуются глубинные потоки холодной воды. Влияние айсберга на такие потоки вызовет изменение циркуляции тепла во всем океане и, как считают некоторые эксперты, повлияет на климат на Земле на несколько десятилетий. В частности, в ближайшие годы в Европе могут быть более холодные зимы.

Насколько правы ученые в своих рассуждениях, можно будет уз-

вспомнить, какие споры разгораются в научной среде относительно наличия и природы такого явления, как глобальное потепление. А с учетом того, что нынешняя зима была достаточно холодной по сравнению с предыдущими, напрашивается вывод, что уж жителям России точно не стоит переживать из-за айсберга, отколовшегося от ледника Мерц.

В Таиланде прошло совещание министров охраны окружающей среды 12 государств Азии и России, созванное по инициативе Фонда охраны дикой природы (WWF), Всемирного банка и вашингтонского Смитсоновского Института. Участники совещания обсудили меры по сохранению популяции тигров и наметили меры, призванные удвоить

половиной тысяч особей; сто лет назад их было свыше 100 тысяч. Причин, приведших к такому положению, много. Среди них — резкое уменьшение размеров и деградация среды обитания зверей, браконьерство. Многие части тела тигров используются в народной китайской медицине, где им приписываются магические свойства, и эта практика порождает выгодную подпольную торговлю.

Восстановление среды обитания тигров будет иметь большое значение не только для роста их популяции. Эта среда станет заповедной территорией и для множества других животных.

Скончалась Александра Антоновна Никонина, старейший сотрудник нашей редакции; в этом месяце ей исполнилось бы девяносто лет. Она проработала в журнале более полувека, лишь в последние годы здоровье уже не позволяло ей заниматься повседневными редакционными делами. Среди прочего Александра Антоновна трудилась на хлопотной должности завредакцией, редактировала отдел почты — через ее руки прошли десятки тысяч писем родителей и педагогов, каждое из которых требовало активной деловой реакции и искреннего душевного отклика. Работа была главным в ее жизни, она была предана журналу, отдавала ему все свои силы, все свое время. Александра Антоновна сохранится в нашей памяти как добрый и отзывчивый человек, всегда готовый тебя поддержать.

Андерс Цорн

- 1860, 18 февраля.** В небольшом хуторе неподалеку от шведского города Мура в семье пивовара родился сын Андерс. Мать его была мойщицей посуды в пивоварне, мальчику с детства приходилось помогать отцу, работал он в огороде и в поле. Пошел в школу в Муре.
- 1872.** Умирает отец, мальчика забирают бабушка и дед, большей частью он живет на хуторе деда. Знакомый резчик по дереву показал ему приемы работы, мальчик увлекся и уже видел себя успешно работающим в артели. Но вскоре планы его изменились.
- 1875.** Оканчивает школу и приезжает в Стокгольм. В Академии художеств показывает свои рисунки и резку по дереву. Его определили в подготовительную школу. Учителя надеялись, что он станет скульптором. Но в первый же год учебы Андерс увидел акварельные работы Эгрона Лундгрена, долго жившего в Англии и перенявшего опыт английских акварелистов. Он был очарован, ему показалось, что художнику, работающему с цветом, открывается мир красоты. Он стал работать акварелью, позже маслом.
- 1880.** Выставил трогательную акварель «В трауре». О ней заговорили, он становится популярным. Зарабатывал на жизнь, исполняя заказные портреты, в основном женщин и детей. Вскоре они вошли в моду.
- 1881.** Получает заказ на портрет из Англии. Не было никакой надежды, что академическое начальство разрешит поездку в Англию. Но к этому времени пребывание в Академии стало тяготить Андерса, методы преподавания казались устаревшими, он уже был наслышан о новых течениях в живописи, об опытах импрессионистов. Перестает ходить на занятия, начальство принимает решение о его исключении. Тут же он собирается ехать в Англию.
- 1881–1885.** Живет в Лондоне. У него фешенебельная мастерская, много заказов. Но он считает, что должен продолжить образование — в путешествиях. Совершает поездки по английским провинциям, ненадолго едет в Испанию, Францию, северную Африку.
- 1885.** Возвращается на родину, где его ждет Эмма Ламм, девушка из богатой еврейской семьи. Андерс познакомился с ней еще до отъезда, переписка убедила в близости всегд, чувств, интересов. Они поженились, их союз оказался счастливым.
- 1888–1896.** Цорны переезжают в Париж, снимают квартиру и мастерскую на улице Добиньи. Успех сопутствует Андерсу, он был баловнем судьбы. В портретах он схватывает характер, передает жесты, мимику, его женщины всегда обаятельны. Заказы на портреты поступают даже из Америки. Каждое лето он проводит на родине. Приобретает участок земли в Муре и перевозит сюда с хутора дом деда.
- 1890.** По воспоминаниям детства пишет «Большую пивоварню». Потом он создаст целую серию «Пивоварен». Женщины сидят вдоль стены в одинаковых воощенных фартуках и белых платочках. Они перебирают хмель монотонно-однообразным движением пальцев. Картина могла бы показаться скучной и унылой, если бы не таинственное освещение: влажный пар, клубящийся в воздухе, перерезает солнечный луч, он серебрит фартуки девушек, блики света играют на их лицах.
- 1891.** Пишет «Маргит», «Воскресное утро» (**репродукция**). Эти две самостоятельные работы кажутся

связанными одним сюжетом. На первом полотне — крестьянская девушка, заплетая косу перед зеркалом. Это девушка из его родной деревни — крепко сбитая, с румянцем во всю щеку, улыбающаяся. Красный цвет горит на юбке и ленте, пламенеет рыжая коса. Фон написан смутно, но можно различить полуобнаженную девушку, наклонившуюся, чтобы умыться. Вот эта девушка появилась на втором полотне. Художник пишет широким мазком, он лепит форму цветом, свободно, быстрым движением руки.

1893. В качестве комиссара Всемирной выставки в Чикаго впервые едет в США. Потом он побывает здесь еще несколько раз. Путешествия становятся его страстью.

1897. По приглашению Сергея Дягилева приезжает в Россию. Он не ожидал триумфа, с которым его здесь встретили. На чествование Цорна в Петербурге приехали из Москвы Коровин и Серов. Репин в своем приветствии назвал Цорна «первым художником-виртуозом Европы». Серов в некоторых своих работах был близок манере шведа. Экспрессивный Коровин с ним подружился. У них завязалась переписка, они дарили друг другу свои работы. Цорн подписывался: «Цорн — другу Коровину».

Цорн решил оставить Париж и поселиться в родных местах. Стал обустраивать дом по собственному плану, изба деда превратилась в красивую усадьбу Цорнгорден. Здесь была большая мастерская. Еще одну мастерскую он снял в Стокгольме, где работал над заказными портретами. Он был общительным и гостеприимным, но иногда ему хотелось полного уединения. Художник купил несколько рыбацких домиков в двадцати километрах от Мура и приезжал сюда работать. Здесь написана серия крестьянских танцев — «Танец в ночь под Ивана Купала», «Танец в Гопсмуре», вихревые, заражающие радостью полотна. Мазки сочные; иногда угадывается, что художник кидал кисть на полотно.

1902–1903. Работает над скульптурным памятником национальному герою Швеции. Отлитый в бронзе, король Густав I Васа стоит в Муре.

Организует музей старой шведской архитектуры на открытом воздухе, строит школу народного ремесла, открывает народный университет в Муре. Помогает мужу Эмма Цорн. Она читает лекции в народном университете, создает приходскую библиотеку, детский приют.

1908–1909. Работает над серией парадных портретов королевской семьи. Цорн отказывается от свободной манеры, широких мазков, тщательно прорабатывает каждый сантиметр полотна. Но ничего похожего на зализанность. Это легкая, артистичная, красивая живопись, похожая на живопись Серова.

1909–1912. Поездки во Францию, Италию, Германию, Иерусалим, Англию. С началом мировой войны о поездках пришлось забыть. К тому же и здоровье художника стало ухудшаться.

1920, 22 августа. Цорн умирает в Муре. По завещанию все движимое и недвижимое имущество после смерти супругов передавалось Швеции.

Цорн мечтал свое поместье в Муре сделать музеем. Неутомимая Эмма сумела осуществить эту мечту. Было построено двухэтажное здание, где разместились не только работы художника, но и его коллекция. Здесь можно увидеть картины Курбе, Тинторетто, офорты Рембрандта, скульптуры Родена, полотна шведских художников. Так много сделавший для своей родины, Цорн заслужил поклонение шведов. Он остается одним из самых блестящих европейских мастеров на переломе XIX и XX веков.

Фото Елены Боковой